Владыка морей

Автор:
Эмилио Сальгари

Владыка морей

Эмилио Сальгари

Морской авантюрный романПираты Малайзии #5

Индусу Тремаль-Наику, основавшему на пустынных берегах Борнео фермы и фактории, где местные жители могли спокойно зарабатывать себе на жизнь, грозит опасность: аборигены подняли против него мятеж. Тремаль-Наик призывает на помощь своих друзей – знаменитого грозного пирата Сандакана и его друга Янеса…

Эмилио Сальгари (1862–1911) – популярнейший итальянский романист, перу которого принадлежат более двухсот приключенческих рассказов и романов, по праву вошедших в сокровищницу мировой литературы.

Эмилио Сальгари

Владыка морей

Emilio Salgari «Il Re del Mare», 1906

Печатается по изданию:

«Владыка морей; В дебрях Борнео; Черный корсар»: М.: Терра, 1992

© ООО «Издательский дом «Вече», 2014

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Пролог

Каждый эпизод из жизни человека, которому посвящен мой рассказ, был полон трагизма, и каждый его шаг сопровождался настоящими драмами.

О нем, о его походах, его удачах и неудачах, победах, которым нет числа, и поражениях, походивших на победы, слагались целые легенды. Но эти легенды не доходили до людей Запада, оставаясь достоянием бесчисленных миллионов обитателей Южных морей.

Однако в архивах английского и голландского правительств сохранились целые библиотеки строго проверенных документов, касавшихся жизни моего героя: он был непримиримым врагом англичан, и вся его жизнь прошла в неравной борьбе с «британским львом», о которой и сейчас вспоминает все население Малайзии.

Он был создан править людьми, но судьба его сложилась так, что он годами скитался по морям и, как затравленный тигр, прятался в дебрях.

Он был горд и великодушен, но волею судьбы стал беспощадным.

И одно имя его наводило страх на врагов, и тень его сеяла ужас в их рядах.

А судьба не давала ему ни отдыха, ни покоя: она бросала его из боя в бой, из одного рискованного, безумного по смелости предприятия в другое, еще более безумное.

В другое время, в другой стране из него вышел бы великий полководец, подобный Тамерлану или Наполеону.

Но везде и всегда он не мог бы прожить жизнь бесследно, как живут миллионы и сотни миллионов: в его жилах бурлила горячая кровь, а душа его была полна неукротимой, нечеловеческой энергии.

И, повинуясь таинственному зову своих инстинктов, он бродил по миру, пролагая себе путь сквозь ряды неумолимых врагов огнем и мечом. И там, где проходил он, дымились развалины, а в воздухе носились призраки тысяч жертв.

Но и сам он, в сущности, был жертвой – жертвой судьбы.

Теперь он давно уже лежит в могиле, спит беспробудным сном. Но осталось его имя – Сандакан.

Иногда это имя вихрем проносится над бесчисленными островами Южных морей, и тогда бледнеют лица нынешних владык этого края, англичан и голландцев. Зато светлеют взоры порабощенных ими малайцев.

Сандакан!

При этом имени малаец Борнео[1 - Борнео – прежнее название острова Калимантан.] гордо поднимает голову, улыбается, судорожно сжимает руку, как будто ожидая, что из чащи леса сейчас прозвучит привычный призывный клич:

– На поработителей, дети Малайзии!

В ранней молодости Сандакан, потомок древнего царственного рода, был изгнан с острова Борнео: англичане подкупили разбойничьи племена прибрежных даяков[2 - Даяки – группа народов, коренное население острова Борнео.], снабдили их оружием, боевыми припасами, опрокинули трон отца Сандакана, раджи страны Голубого Озера.

И из принца Сандакан превратился сначала в бродягу, а потом – в страшного пирата, прозванного Владыкой Морей и Малайским Тигром.

Судьба заставила его сталкиваться с англичанами везде, куда только заплывал его челн.

В Индии Сандакан пережил интереснейшие эпизоды своей бурной жизни, о которых когда-нибудь я поведаю тебе, читатель.

Там он в компании с португальским «всесветным бродягой» Янесом, человеком типа Кортеса и Писарро, и с помощью знатного индуса Тремаль-Наика и оруженосца Самбильонга разрушил одно княжество и вернул трон молодой рани Ассама[3 - Рани – царица или царевна в Индии и в некоторых странах Юго-Восточной Азии. Ассам – провинция на северо-востоке Британской Индии, ныне один из штатов Индии.], обращенной в баядерку узурпатором престола ее предков. Впоследствии рани стала женой Янеса.

В той же Индии Сандакан вел кровавую борьбу с сектой «душителей» – тугов и убил их вождя.

Потом он возвратился на родину и отвоевал свое собственное царство, страну Голубого озера.

Но и тут, и там душа его не знала покоя, и ничто не удовлетворяло его: в этом свирепом и беспощадном бойце жила, не умирая, вечная любовь.

В дни, когда он был предводителем малайских пиратов, оспаривавших у англичан владычество над раем земным – Малайским архипелагом, неукротимый Сандакан встретил и полюбил прекрасную, как ангел, девушку. Это была англичанка знатного рода.

Встретились, казалось, демон и пери[4 - Пери – в мусульманской мифологии дух, покровительствующий человеку, выступающий в облике прекрасной женщины.]. И пери победила: Сандакан готов был ради обладания леди Марианной переродиться, отречься от своего прошлого, отречься от самого себя. Но опять вмешалась судьба: нежная Марианна не вынесла той жизни, которую ей пришлось вести, став женой Сандакана, – и увял прекраснейший в мире цветок, а Сандакан вновь ринулся навстречу опасностям, вызывая на бой беспощадную судьбу.

Один из эпизодов этого периода его жизни и служит темой настоящего повествования: Сандакан и его неизменный друг Янес получили известие от Тремаль-Наика, что тому угрожает опасность. В это время Тремаль-Наик, покинувший из-за распрей с англичанами свою родину Индию, поселился на

берегах чудного острова Борнео, славящегося необычайной пестротой и сказочными богатствами природы. Трудолюбивый и предприимчивый индус основал огромные плантации, культивировав лесные дебри. Вместе с ним жила его красавица дочь по имени Дарма.

Разумеется, зов друга не остался безуспешным: Сандакан собрался на помощь Тремаль-Наику, покинув свое убежище, остров Малайских Тигров – Мопрачем.

Первым отправился на выручку Тремаль-Наику Янес.

И вот что ждало героев моего повествования.

Часть первая

I. Нападение на «Марианну»

– Идем мы, наконец, вперед или нет? Черт возьми! Я не могу допустить, чтобы мы, как дураки, застряли окончательно на этой мели…

– Но двигаться вперед нет никакой возможности, господин.

– Да в чем, собственно, заключается препятствие, которое мешает нам двинуться в путь?

– Это пока трудно определить.

– Черт возьми! Какого же дьявола зевал этот негодяй лоцман? Пьян он, что ли? Нечего сказать, хорошую славу приобретают себе эти проклятые малайцы. А я-то до сих пор имел глупость считать их лучшими моряками во всем мире! Самбильонг! Поставь еще один парус. Ветер тянет порядочный. Авось как-нибудь да удастся сняться…

– Ничего нельзя сделать, господин Янес: отлив идет слишком быстро.

– Тьфу! Чтоб его дьявол забрал с собой в ад, этого черного негодяя!..

Произнесший эти слова человек, носивший имя Янес, резко повернулся к корме, нахмурив густые брови и злобно сверкая глазами.

Хотя на вид ему было уже больше пятидесяти лет, он обладал богатырским телосложением. Мужественное лицо с бронзовым отливом кожи и большими, тщательно причесанными седоватыми усами, окаймленное густыми прядями длинных волос, которые мягко ниспадали на плечи из-под широкополой шляпы, напоминавшей мексиканское сомбреро, еще ярче подчеркивало большую физическую силу этого человека, вряд ли уступавшую той железной, непреклонной воле, которую выдавал его суровый взгляд.

Одет он был очень изящно: в куртку из белой фланели, украшенную золотыми пуговицами и опоясанную широким куском красного бархата, за которым торчала пара роскошных, индийской работы, пистолетов с длинными резными дулами и рукоятками с серебряной и перламутровой инкрустацией. Ноги его были обуты в высокие морские сапоги из желтой кожи, со слегка загнутыми кверху носками.

– Эй ты, лоцман! – закричал он, устремляя горящий негодованием взор на сидевшего у кормы малайца с раскосыми глазами, слегка отливавшими желтоватым блеском и беспокойно бегавшими по сторонам.

Малаец оставил штурвальное колесо, которое держал до того момента в руках, и с несколько беспокойным видом, выдававшим его внутреннее волнение, приблизился к Янесу.

– Слушай, грязная бестия! – сухо обратился к нему европеец, выразительно положив руку на рукоятку одного из пистолетов. – Что это за шутки ты вздумал играть с нами? Насколько мне помнится, ты уверял, что знаешь все побережье Борнео как свои пять пальцев, почему я и взял тебя с собой в качестве проводника для моей «Марианны». А теперь вот мы сидим по твоей милости на этой дурацкой мели и не знаем, когда нас черт стащит с нее.

– Но, господин… – пробормотал малаец с видимым замешательством.

– Что? – повысил голос Янес, начиная терять свое обычное самообладание. – В чем дело? Говори, каналья!

– Этой мели здесь раньше не было, господин.

– Мошенник! Уж не собираешься ли ты уверять меня, что она только что выскочила с морского дна? Ты, негодяй, нарочно завел сюда «Марианну», чтобы посадить ее на эту злосчастную отмель, чтоб ее черти разнесли по песчинкам!

– Но, господин, зачем бы я это стал делать?

– Откуда я знаю, зачем? Может быть, ты в заговоре с теми таинственными врагами, которые подняли возмущение среди даяков.

– Господин ошибается. Я не поддерживал отношения ни с кем, кроме моих соплеменников.

– Думаешь ли ты, что нам удастся сняться с мели?

– Да. С наступлением прилива.

– Черт возьми! – пробормотал Янес. – Дело совсем дрянь. Этак я могу опоздать и не доставить Тремаль-Наика и Дарму в Мопрачем, прежде чем восставшие даяки нападут на их плантации и разрушат их фермы. Ну да посмотрим. Может быть, удастся каким-нибудь образом тронуться в путь раньше, чем прилив достигнет наибольшей высоты.

С этими словами он повернулся спиной к малайцу и, подойдя к носовой башенке, облокотился на ее перила и задумчиво стал смотреть на воду.

Корабль, оказавшийся из-за умышленной или случайной неловкости лоцмана-малайца не в состоянии сойти с широкой, почти совершенно скрытой от взора, со спокойной водяной поверхностью песчаной отмели, в которую он врезался носом и частью корпуса, представлял собой прекрасную двухмачтовую бригантину, построенную, по-видимому, совсем недавно, о чем можно было судить по ее еще правильным очертаниям, и снабженную парой широчайших парусов, очень похожих на те, под какими ходят обыкновенно большие малайские пироги.

Бригантина обладала вместимостью не менее двухсот тонн и была вооружена так, что могла внушить если не страх, то, во всяком случае, известное уважение даже любому крейсеру небольших, разумеется, размеров. На корме ее находились две так называемые охотничьи пушки солидного калибра, защищенные подвижными щитами, составленными из двух толстых соединенных под углом стальных полос, а носовая башенка была вооружена четырьмя длинными и довольно тяжелыми медными пушками – спингардами, из которых можно было прекрасно расстреливать неприятеля, хотя эти орудия и не были особенно дальнобойными.

Кроме этого грозного вооружения, парусник обладал еще экипажем, гораздо более многочисленным, чем требовалось для такого маленького судна. Он состоял из сорока малайцев и даяков, большей частью пожилого возраста, но еще достаточно крепких и выносливых, с суровыми лицами, исполосованными у многих широкими и очень красноречивыми рубцами, свидетельствовавшими о том, что эти люди были не только заправскими моряками, но и лихими вояками.

Бригантина, носившая имя «Марианна», остановилась – не по своей, как знает читатель, возле у входа в широкую бухту, в которую впадала быстрая и с виду очень многоводная река.

Многочисленные острова, один из которых достигал довольно внушительных размеров, защищали бухту от западных ветров. Все они были опоясаны двойными и тройными ожерельями коралловых рифов или отмелей и покрыты богатейшей тропической растительностью, ярко отливавшей на солнце всеми оттенками зеленого.

«Марианна» попала как раз на одну из таких прибрежных мелей, скрывавшуюся под водой и только теперь, с наступлением морского отлива, начавшую показываться над поверхностью волн. Носовая часть так сильно врезалась в песок, что сдвинуть судно при помощи одних только якорей, заброшенных с кормы и соединенных с находившейся здесь паровой лебедкой, не представлялось решительно никакой возможности.

– Чтоб ему попасть к дьяволу на рога, этому негодяю лоцману! – воскликнул Янес, исследовав внимательным взором отмель. – Раньше полуночи нам никак не удастся сняться отсюда. Как ты думаешь, Самбильонг?

Высокий и плотный малаец с морщинистым лицом и седоватыми волосами, к которому был обращен этот вопрос, приблизился к европейцу.

– Я думаю, сахиб[5 - Сахиб – господин.], – сказал он, – что без прилива нам ни за что не сдвинуться с места. Это так же верно, как то, что мы сидим сейчас на мели.

– Скажи по совести, не кажется ли тебе наш лоцман подозрительным?

– Не знаю, капитан, – ответил малаец. – До того момента, как мы взяли его с собой, мне ни разу не приходилось с ним встречаться. Однако…

– Что ты хочешь сказать? Продолжай.

– Однако тот факт, что мы нашли его одного на таком большом расстоянии от острова Гайя, в небольшой лодчонке, совершенно неспособной выдерживать большое волнение, а также то, что он сразу предложил нам свои услуги в качестве лоцмана, – все это кажется мне не совсем ясным и заставляет держаться настороже.

– Неужто я в самом деле допустил большую неосторожность, доверив руль нашего корабля негодяю? – пробормотал Янес, став сразу серьезным.

Затем, тряхнув головой как бы для того, чтобы отогнать от себя эту неуместную мысль, он добавил:

– С какой целью этот человек, принадлежащий к вашей расе, стал бы искать гибели самого крепкого и красивого судна Малайского Тигра? Разве мы не были всегда защитниками туземцев Борнео от английских притеснителей? Разве мы не погубили дело Джеймса Брука, чтобы возвратить независимость даякам Саравака[6 - Саравак – княжество под британским протекторатом в северо-западной части острова Борнео.]?

– А почему в таком случае, господин Янес, – ответил тот, которого Янес называл Самбильонгом, – побережные даяки так внезапно взялись за оружие с явно враждебными намерениями по отношению к нашим друзьям? И это несмотря на то, что Тремаль-Наик, создавая на этих берегах, бывших до сих пор совершенно

пустынными и безлюдными, фермы и фактории, дал им возможность без особого труда зарабатывать средства на спокойную жизнь и в значительной степени обезопасил от набегов пиратов, облагавших население поборами в свою пользу.

– Это, мой дорогой Самбильонг, – тайна, в которой ни я, ни Сандакан не сумели еще разобраться как следует. Неожиданный взрыв ненависти против Тремаль-Наика должен иметь какую-то причину. Но какую? Этого мы пока не знаем, хотя я более чем уверен, что существуют какие-то таинственные личности, которые искусственно раздули весь этот огонь.

– А что, разве Тремаль-Наик и его дочь Дарма находятся в серьезной опасности?

– Гонец, которого он прислал к нам в Мопрачем, сообщил, что все даяки взялись за оружие и неистовствуют, словно их охватил какой-то приступ безумия. Три фактории были разграблены и сожжены восставшими, и среди даяков поговаривают уже о необходимости добраться до самого Тремаль-Наика, чтобы снести ему голову с плеч.

– Я решительно не понимаю, как этим дикарям могла прийти в голову мысль грабить его имущество, – пожал плечами Самбильонг, – ведь это самый прекрасный, самый благородный человек на всем острове!

– Когда мы прибудем в кампонг[7 - Кампонг – селение.] Пангутаран, тогда все выяснится. Появление на реке «Марианны» немного успокоит даяков, и если они не сложат немедленно оружие – мы их расстреляем… как они этого и заслуживают.

– Да, только тогда, пожалуй, и можно будет узнать, какие причины побудили их к восстанию.

– Ага! – воскликнул вдруг Янес, взоры которого были все время обращены к устью реки. – Я вижу там какую-то человеческую фигуру, которая, кажется, намеревается приблизиться к нам.

В самом деле, из-за небольших островков, усеявших устье реки, вынырнула вдалеке небольшая однопарусная лодчонка, которая без всяких колебаний взяла курс на «Марианну». На корме этой лодчонки сидел ее единственный пассажир. За отдаленностью расстояния трудно было разобрать, малаец это или даяк.

– Кто бы это мог быть? – спросил Янес, внимательно следя за маневрами лодки, которую он ни на секунду не упускал из виду. – Смотри, Самбильонг, не находишь ли ты движение лодки весьма подозрительным? Она то приближается к островкам, то удаляется от них в сторону коралловых рифов.

– Да, можно подумать, что она старается обмануть кого-то относительно своего истинного курса, господин Янес, – ответил Самбильонг. – Уж не направлена ли эта наивная хитрость в нашу сторону?

– Мне тоже так кажется, – ответил европеец. – Поди-ка принеси мне бинокль и распорядись зарядить одну из пушек. Если тот человек, имеющий – это не подлежит никакому сомнению – намерение подобраться к нашей «Марианне», будет продолжать стараться сбить нас с толку, то мы пошлем ему такой гостинец, от которого вся его хитрость вместе с породившим ее мозгом разлетится на мелкие кусочки.

Минуту спустя Янес уже рассматривал в сильный морской бинокль находившуюся в тот момент на расстоянии не менее двух миль[8 - Речь идет о морской миле, равной 1852 м. Сухопутная миля равна 1609 м.] утлую даякскую лодчонку, переставшую наконец прятаться за заполнявшими устье реки островами и окончательно взявшую курс на «Марианну».

Едва только стекла бинокля отыскали в пространстве лодку с ее таинственным кормчим, как из груди Янеса вырвался возглас сильного изумления.

– Что такое? Что вы видите, капитан? – осведомился Самбильонг.

– Тангуза!

– Тот, которого Тремаль-Наик привез с собой из Мопрачема и которого он поставил управляющим своей фактории?

– Да, Самбильонг. Тот самый.

– Ну, наконец-то мы узнаем что-нибудь относительно этих непонятных волнений, если только это действительно он, – сказал малаец.

– Да, да. Я не ошибаюсь, это действительно он. Я вижу его прекрасно. Ох!..

– В чем дело, сахиб?

– Его преследуют, Самбильонг, его преследуют. Я вижу пирогу с дюжиной даяков, которая гонится за Тангузой. Взгляни в направлении того, последнего островка… Видишь?

Самбильонг напряг зрение и вскоре в самом деле различил вдали узкую и очень длинную пирогу, покинувшую устье реки и под сильными ударами восьми широких весел быстро направлявшуюся в море.

– Да, господин Янес, несомненно, они охотятся за управляющим Тремаль-Наика, – сказал он.

– Ты зарядил пушку?

– Все четыре, капитан.

– Прекрасно. Подождем, что будет дальше.

Маленькая лодка, первой привлекшая внимание Янеса, двигалась благодаря попутному ветру с достаточной быстротой прямо по направлению к «Марианне». Тем не менее казалось несомненным, что состязаться в скорости бега с переполненной даяками пирогой ей не под силу. Управлявший ею человек, заметив, что его преследуют, поспешно привязал рукоятку руля к корме и взялся за весла, чтобы ускорить таким образом ход своей лодчонки.

Вдруг с носа даякской пироги поднялось легкое облачко дыма, и до борта «Марианны» донесся глухой звук выстрела.

– Они стреляют по Тангузе, господин Янес, – сказал Самбильонг.

– Отлично! Я покажу сейчас этим негодяям, как умеют стрелять португальцы, – ответил европеец с невозмутимым спокойствием.

Швырнув далеко за борт незадолго до того закуренную сигару, он раздвинул толпу матросов, сбежавшихся к носовой башенке при звуке отдаленного выстрела, и приник к первому орудию, наводя его на пирогу.

Погоня продолжалась со все возраставшей яростью, и расстояние, отделявшее маленькую лодку от пироги преследователей, несмотря на отчаянные усилия ее обладателя, начинало заметно сокращаться.

Прозвучал еще один выстрел со стороны даяков, но, как и первый, без всякого вреда для преследуемого.

Янес, спокойный и бесстрастный как всегда, продолжал медленно наводить пушку.

– Ну, теперь, кажется, верно, – пробормотал он через несколько минут.

Грянул короткий гулкий выстрел, прокатившийся перекатистым эхом над островами залива и над утопавшими в зелени берегами вливавшейся в море реки. Жерло орудия пыхнуло ярким огненным языком.

Над бортом пироги-преследовательницы поднялся в воздух высокий водяной столб, и вскоре до экипажа «Марианны» долетели смягченные расстоянием яростные крики даяков.

– Разбита, господин Янес! – вскричал Самбильонг.

– И скоро пойдет ко дну, – спокойно добавил португалец.

Даяки прекратили преследование и стали усиленно грести к одному из ближайших островов, надеясь достигнуть его раньше, чем пирога окончательно погрузится в воду. Но повреждение, произведенное ядром с борта «Марианны», было настолько серьезным, что полуразбитая пирога не могла долго держаться на воде. Действительно, находясь еще на расстоянии трехсот-четырехсот шагов от острова, она вдруг накренилась, зачерпнула добрую порцию морской воды и, как камень, пошла ко дну, предоставив всплывшим, подобно пробкам, даякам самим заботиться о спасении собственной шкуры. Для них это неожиданное купание, впрочем, не представляло никакой опасности. Проводя большую часть

жизни на воде, они не уступали в искусстве плавания даже таким завзятым пловцам, как малайцы или полинезийцы, и проплыть расстояние в триста шагов, отделявшее их от берега, им решительно ничего не стоило.

– Спасайтесь, спасайтесь! – пробормотал Янес. – Надеюсь, этот урок послужит вам на пользу. Но если вам вздумается повторить подобную охоту – не взыщите: придется уже по-настоящему погреть ваши спины картечью.

Утлая лодчонка, освободившись, благодаря удачному выстрелу с борта «Марианны», от преследователей, продолжала с прежней поспешностью мчаться по направлению к неподвижно стоявшему на мели паруснику и вскоре приблизилась к нему на расстояние меньше полукабельтова[9 - Кабельтов – морская мера длины, равная 185,2 м.].

Управлявший ею человек, на вид не старше тридцати лет, был низкого роста, и черты слегка желтоватого лица изобличали в нем европейца, носящего в своих жилах и малайскую кровь. Его плотное, мускулистое тело было перевязано во многих местах, главным образом на руках и ногах, кусками белого холста, на котором местами проступали широкие кровавые пятна.

– Что это? Он ранен? – воскликнул Янес. – Этот метис, кажется, порядком пострадал. Эй, спустить ему лестницу!.. Да приготовьте какого-нибудь подкрепляющего снадобья.

Пока матросы исполняли эти приказания, лодка с последним отчаянным ударом весел подошла к борту корабля.

– Поднимайся скорее! – крикнул сверху Янес.

Управляющий Тремаль-Наика привязал свою пирогу за брошенный ему с борта конец веревки, убрал парус и затем с трудом поднялся по лестнице на палубу.

При его появлении у португальца вырвался громкий крик изумления и ужаса. Все тело несчастного было изрешечено, словно выстрелами мельчайшей дробью, и из каждой такой микроскопической раны сочилась мелкими каплями кровь.

– Боже мой! – воскликнул Янес в ужасе. – Кто тебя так отделал, мой бедный Тангуза?

– Белые муравьи, господин Янес, – ответил метис прерывающимся голосом, с гримасой на лице, вызванной терзавшей его острой болью.

– Белые муравьи? – снова воскликнул португалец. – Но кому могла прийти в голову варварская мысль покрыть твое тело этими кровожадными насекомыми?

– Даякам, господин Янес. Это они проделали надо мной такую жестокую штуку.

– Ах, мерзавцы! Спустись скорей в каюту и заставь перевязать получше твои раны, а тогда уже возобновим разговор. Скажи только, сильной ли опасности подвергаются сейчас Тремаль-Наик и Дарма?

– Хозяин на скорую руку составил из малайцев маленький отряд и пытается оказать сопротивление даякам.

– Ну хорошо. Иди и предоставь себя в полное распоряжение Кибатани: он знает толк в ранах. Потом пришлешь за мной. Иди же, мой бедный Тангуза! Сейчас у меня на очереди другое дело.

Пока метис спускался с помощью двух матросов в каюту, Янес снова обратил свое внимание на устье реки, где в это время появились три большие лодки, переполненные людьми, и двойная пирога с перекинутым от одного борта к другому мостком, на котором помещалась одна из тех небольших пушек, отлитых из расплавленной медной обшивки кораблей с небольшой примесью свинца, которые носят у малайцев название лила.

– Что за черт? – пробормотал португалец. – Эти даяки, кажется, собираются вступить в состязание с Тиграми Мопрачема… Ну нет. Не с вашими силами, голубчики, меряться с нами. У нас есть такие штучки, от которых вы будете скакать, как дикие козы.

– Я боюсь, что за этими островами скрываются другие такие же лодки, господин Янес, – сказал Самбильонг, одновременно со своим начальником наблюдавший за появлением новых даякских пирог.

– Ну, мы слишком сильны, чтобы бояться этих мошенников, хотя эти достойные потомки пиратов и головорезов отчаянны, как сам дьявол, нужно отдать им справедливость. Скажи-ка вот что: много у нас шрапнельных снарядов?

– Два ящика, капитан.

– Распорядись, чтобы их вынесли наверх. Заставь также растянуть над бортами абордажную сетку и развесить на ней связки терновника. Посмотрим, как они завоют, если им вздумается взять на абордаж наше судно. Эй, лоцман!

Малаец, который, забравшись на площадку фок-мачты, следил оттуда за подозрительными движениями четырех шлюпок, спустился вниз и подошел к португальцу, стараясь глядеть куда-то в сторону.

– Ты знаешь, сколько лодок находится в распоряжении тех даяков, которые виднеются там, вдали?

– На реке их было очень немного, – ответил малаец.

– Как ты думаешь, не собираются ли они атаковать нас, пользуясь нашей неподвижностью?

– Я этого не думаю, господин.

– Ты говоришь это вполне искренне? Смотри, у меня начинают появляться большие подозрения на твой счет. Наше теперешнее пребывание на мели вовсе не кажется мне делом простого случая.

Малаец скривил гримасу, как бы стремясь скрыть зловещую улыбку, промелькнувшую на его губах. Потом сказал с некоторой досадой:

– Я, кажется, не дал вам никаких поводов сомневаться во мне, господин.

– Посмотрим, что будет дальше! – пробормотал вместо ответа Янес и отправился навестить раненого метиса, поручив Самбильонгу заняться приготовлениями к защите «Марианны».

II. Пилигрим из Мекки

Если попавшее на мель судно Янеса было красивым с наружной стороны, настолько красивым, что оно могло смело соперничать с самыми роскошными яхтами эпохи, к которой относится наш рассказ, то внутри, особенно в отведенных для самого капитана кормовых помещениях, оно было просто великолепно.

Особенно богато была отделана центральная комната, служившая салоном и вместе с тем столовой. Симметрично расположенная в ней мебель красного дерева была очень тонкой филигранной работы, с красивой инкрустацией из перламутра и широкими золотыми ободками по краям. Пол был покрыт тяжелыми персидскими коврами. На стенах отливали всеми цветами дорогие обои индийской работы, а маленькие хрустальные окна были полузакрыты воздушными занавесками из красного шелка, поддерживаемыми серебряными цепочками. С потолка в центре салона-столовой спускалась большая роскошная люстра, по-видимому венецианской работы, свет которой по вечерам отражался миллионами ярких бликов на богатейшей коллекции оружия всех стран и народов, развешенной тут же по стенам.

В этой обставленной с чисто восточной роскошью комнате, на обитом зеленым бархатом диване лежал перевязанный чуть ли не с ног до головы и покрытый толстым белым шерстяным одеялом управляющий Тремаль-Наика, уже несколько оправившийся и выглядевший сравнительно бодрее, чем несколько минут тому назад.

– Ну, как ты себя чувствуешь, мой мужественный Тангуза? – спросил Янес, подойдя к импровизированному ложу метиса.

– О, Кибатани обладает поистине волшебными лекарствами! – ответил раненый. – Он смазал мне каким-то снадобьем все тело, и теперь я чувствую себя гораздо лучше, чем раньше.

– Ага! Ну, теперь расскажи, как все произошло. Прежде всего я хочу знать, находится ли мой друг Тремаль-Наик все еще в кампонге Пангутаран или он защищается от восставших где-нибудь в другом месте?

– Да, господин Янес, он остался в Пангутаране, и когда я покидал его, он деятельно готовился к защите против даяков, надеясь продержаться до вашего прибытия. Давно прибыл к вам, в Мопрачем, посланный нами гонец?

– Три дня тому назад. Как видишь, Тангуза, мы не потеряли ни одной минуты и примчались сюда на самом лучшем корабле, каким только располагали.

– А что думает Малайский Тигр об этом неожиданном возмущении даяков, которые всего каких-нибудь три недели тому назад чуть не молились на моего хозяина?

– Мы все строили здесь самые разнообразные предположения на этот счет, но боюсь, что настоящей причины даякского возмущения мы так и не отгадали. Бедный Тремаль-Наик! Шесть лет гигантского колонизаторского труда. Сотни тысяч рупий, израсходованных, по-видимому, без всякой пользы. Это ужасно!.. Скажи, Тангуза, неужели у вас там тоже решительно ничего не знают о мотивах, побудивших даяков взяться за оружие и подвергнуть беспощадному уничтожению фактории Тремаль-Наика, стоившие ему таких больших усилий и забот?

– Я расскажу вам сейчас, сахиб, все, что нам известно.

Около месяца тому назад, а может, и несколько раньше высадился на этих берегах какой-то человек, не принадлежавший, по-видимому, ни к малайской расе, ни к какому бы то ни было племени, обитающему на острове Борнео. Говорили, что он был ревностным мусульманином и носил на голове зеленый тюрбан – знак того, что он совершил священное паломничество в Мекку, ко гробу Магомета.

Вы знаете, сахиб, что даяки этой части острова не верят ни в добрых, ни в злых духов, как это наблюдается у их южных соплеменников. Они считают себя – по-своему, разумеется, – мусульманами и фанатичны до такой степени, что способны затмить в этом отношении, пожалуй, даже мусульман Центральной Индии.

Что говорил, чего наобещал этот таинственный пилигрим дикарям даякам – ни я, ни мой хозяин до сих пор не знаем. Факт, однако, что ему очень легко удалось затронуть их религиозный фанатизм, загипнотизировать их, заставить восстать

против Тремаль-Наика и подвергнуть разграблению его фактории.

– Ты видел его, этого пилигрима?

– Да, вырываясь из рук мучивших меня даяков, я успел разглядеть его. Это высокий худой старик с изможденным лицом и лихорадочным, возбужденным блеском глаз. Вид у него такой, что его действительно можно принять за пилигрима…

Оба собеседника на несколько мгновений погрузились в раздумье.

– Есть еще одно обстоятельство, господин Янес, которое заставляет отнестись к тайне даякского восстания очень серьезно. Мне передавали, что две недели тому назад здесь приставал пароход, шедший под английским флагом, и что пилигрим вел продолжительный разговор с капитаном этого парохода.

– Англичане? – воскликнул Янес. – Да, да, это вполне возможно! В Лабуане давно уже ходят слухи, что английское правительство намеревается занять наш остров, Мопрачем, под предлогом, что мы представляем постоянную опасность для его колоний.

– Нужно еще добавить, что утром, после прибытия этого таинственного парохода, многие даяки, которые до тех пор имели в качестве оружия только сумпитаны[10 - Сумпитан (сербатанг) – духовое ружье, стреляющее отравленными парализующим ядом стрелами.] да сабли, оказались вдруг каким-то загадочным образом владельцами превосходных мушкетов и пистолетов.

– Да, да… Теперь мне все ясно.

– Неужели вы допустите, чтобы англичане и в самом деле выселили нас с нашего острова?

Янес улыбнулся и затянулся дымом душистой сигары.

– Тиграм Мопрачема, – презрительно сказал он, – не впервые бороться с «британскими львами». Им не раз уже приходилось трепетать от нашего боевого клича. Не посрамим себя мы и на этот раз.

В этот момент с палубы раздался встревоженный голос Самбильонга:

– Наверх, капитан! Даяки приближаются…

Португалец затянулся еще раз сигарой и неторопливо поднялся на палубу. В самом деле, между островами двигалось до дюжины больших прао[11 - Прао – большая парусная лодка.], впереди которых плыла двойная широкая лодка с водруженным на ней миримом – орудием несколько больших размеров, чем упомянутая раньше лила.

– Ага! – флегматично заметил Янес, наводя бинокль на медленно двигавшиеся впереди прао, наполненные вооруженными даяками, разряженными в пестрые боевые костюмы. – Они хотят помериться с нами силами? Ну что же! Ты приготовил им угощение, Самбильонг?

– Да, капитан. Орудия заряжены, и экипаж готов к сражению.

Действительно, все сорок человек экипажа уже находились на своих местах. Часть их стояла под ружьем, а другая часть возилась у орудий, заряжая их для предстоящей баталии.

– Ну, теперь милости просим, – пробормотал Янес, видимо довольный скорым и точным исполнением его распоряжения.

Солнце близилось к закату, рассыпая вокруг последние лучи и омывая золотисто-розоватым светом берега бесчисленных островков и коралловых рифов, о которые с глухим шумом разбивались несущиеся с морского простора волны. Громадный огненный диск дневного светила гордо опускался в начинавшее подергиваться синей дымкой море, зажигая вокруг себя фантастический веер облаков. Над ними тянулись широкие золотые и пурпуровые полосы, незаметно сливавшиеся с яркой лазурью бездонного неба.

Наконец солнце закатилось. Оно как-то сразу озарило весь горизонт огнем своего пожара и быстро погрузилось в свинцовые волны моря, оставив после себя бледную полосу света, которая все тускнела и тускнела, пока не потухла, уступая место стремительно, без сумерек наступающей южной ночи.

Флотилия даяков начала заметно ускорять свой ход. Впереди по-прежнему двигалась лодка с медным миримом, за которой шли, выстроившись в одну линию, чтобы не подвергаться слишком большой опасности от огня «Марианны», остальные лодки.

– Ну, Тигрята Мопрачема, – дал сигнал Янес, – начинайте!

Самбильонг, который уже давно и тщательно прицеливался в лодку, несшую на себе мирим, поднес запал.

Грохнул раскатистый выстрел. Орудие было наведено так метко, что высокая мачта даякского прао вместе с необыкновенных размеров парусом свалилась в воду, точно подкошенная.

Выстрел этот сопровождался яростным ревом даяков, которые на «угощение» Самбильонга ответили выстрелом из своего мирима. Но второпях, очевидно, прицел был взят ими не совсем точно, и ядро только продырявило треугольный носовой парус «Марианны».

– Эти идиоты стреляют хуже, чем португальские новобранцы, – заметил Янес, спокойно стоявший у борта и куривший сигару.

Непосредственно вслед за выстрелом мирима со стороны даяков послышался ряд сухих и коротких выстрелов маленьких лил. Но они остались совершенно безрезультатными: снаряды не долетели до «Марианны» и упали в воду в нескольких сотнях метров от нее.

– Нужно потопить прао, которое несет на себе мирим, – заметил Янес. – Остальные нам пока не страшны. Эй, люди! Живо к…

Не договорив, он вдруг круто повернулся к корме.

– Самбильонг! – воскликнул он, бледнея. – А где же наш лоцман?

– Капитан, – ответил малаец, находившийся при двух кормовых пушках, – я видел, как он сошел вниз.

Прежде чем Янес успел опомниться, Самбильонг с пистолетом в руке бросился в трюм и минуту спустя вытащил оттуда за шиворот лоцмана, в руках которого дымился зажженный фитиль.

– Собака! – закричал Янес. – Что ты пытался там сделать?

– Господин, – ответил даяк, – я сошел вниз, чтобы отыскать фитиль для пушек.

– Фитиль?! Лжешь, негодяй, ты пытался поджечь «Марианну». Самбильонг, свяжи этого человека. Когда мы разделаемся с даяками, у нас с ним будет особый разговор.

– Мы обойдемся без веревки, сахиб, – ответил Самбильонг. – Мы просто-напросто усыпим его на дюжину часов, тогда с ним будет меньше возни.

С этими словами он грубо схватил лоцмана за плечи и крепко сжал ему большими пальцами обеих рук затылок. Затем уперся большими и средними пальцами в шею и сдавил даяку сонные артерии. Эффект получился поразительный. Лоцман выпучил глаза и раскрыл рот, как бы начиная задыхаться, потом дыхание его стало прерывистым, тяжелым, голова свесилась назад и все тело бессильно повисло на руках Самбильонга.

– Ты убил его?! – воскликнул Янес.

– Нет, сахиб, – ответил малаец. – Я только усыпил его, и теперь раньше чем через одиннадцать-двенадцать часов он не проснется.

– Брось его скорее на какую-нибудь подушку и идем наверх. Там что-то слишком уж оживленно начинают стрелять.

Самбильонг положил лоцмана на ковер и затем поднялся вместе с Янесом на палубу, ходившую ходуном от действительно не на шутку разыгравшейся канонады.

Флотилия наступавших врагов теперь изменила свою прежнюю тактику. Чтобы ослабить огонь, сосредоточенный до того момента на лодке с крупнокалиберным миримом, вооруженные более слабыми лилами пироги

развернулись на два фланга, намереваясь таким образом отвлечь на себя часть огня орудий «Марианны». Ядра начали уже довольно часто летать над «Марианной», продырявливая ее паруса, обдирая временами борта и причиняя другие, более серьезные повреждения. Из экипажа один или два человека были убиты, а еще несколько – ранены, но это не останавливало других, и они продолжали равномерно и спокойно заряжать орудия и обстреливать надвигавшуюся даякскую флотилию.

– Сбрось-ка в воду этот проклятый мирим, Самбильонг! – распорядился Янес, одним быстрым взглядом оценив обстановку.

Самбильонг неторопливо навел орудие.

Раздался взрыв.

Над бортом намеченной в качестве цели лодки взвился высокий водяной столб, судно сильно накренилось на один бок и, по-видимому, стало быстро наполняться водой.

– Прекрасный удар! – одобрил португалец.

Несмотря на эту крупную неудачу и на непрерывную канонаду с борта «Марианны», лишь в очень редких случаях не достигавшую цели, даяки все приближались и приближались; урон в людях нисколько не пугал их и не уменьшал фанатичной решимости добраться до неподвижно стоявшего на мели парусника. К первоначальной флотилии, как было видно экипажу «Марианны», присоединилось еще несколько десятков новых лодок, вышедших из речного устья и буквально переполненных вооруженными врагами. Слившись с этим подкреплением, даяки все быстрее и быстрее продвигались вперед, намереваясь, очевидно, во что бы то ни стало атаковать «Марианну».

– Дело, однако, становится очень серьезным, – пробормотал Янес и взялся сам за орудие.

Два-три ядра врезались в самую гущу даякских лодок, разнося все вдребезги на своем пути, но вслед за тем вражеская флотилия оказалась уже настолько близко от судна Малайского Тигра, что пушки стали бесполезными.

– Эй, Тигрята! – распорядился тогда Янес. – Живо очищайте нос и беритесь за ваши паранги[12 - Паранг – массивный нож-тесак.].

Команда была моментально приведена в исполнение. Все стрелки собрались на корме, оставив только несколько дозорных на марсах. В это время Самбильонг с двумя помощниками поспешно вскрыли несколько ящиков и разбросали по палубе целую груду маленьких стальных шариков, усеянных тончайшими, почти незаметными для глаз иглами.

Даяки, обезумевшие от злобы из-за понесенных жестоких потерь во время нападения, окружили «Марианну», оглашая воздух дикими завываниями, и пытались вскарабкаться на палубу.

Янес, схватив ятаган, стал в окружении своих людей.

– Сомкни ряды у спингард! – скомандовал он.

Тем временем вооруженные ружьями стрелки, не покидая своих мест у бортов осажденного судна, осыпали выстрелами нападающих, причиняя им огромный ущерб, потому что почти ни один выстрел не пропадал даром на таком близком расстоянии.

Стрельба эта велась с таким усердием, что дула ружей раскалялись и причиняли ожоги рукам стрелков, но убийственный огонь не удерживал осатаневших дикарей, и они, наконец перебравшись через борта бригантины, градом посыпались на ее палубу. Но в тот же миг из толпы вырвался отчаянный крик безумной боли, сменивший только что раздававшиеся крики о победе: они наткнулись на стальные шары с иглами, походившие на миниатюрных дикобразов, и это ужасное оружие выбило из строя всех, кому удалось каким-то образом попасть на палубу, не поранившись о развешенный по бортам терновник. Уцелевшие несколькими ударами очистили часть бортов от убийственных игл и столпились у мачты. Но оттуда они были моментально сметены четырьмя выстрелами картечью.

Таким образом, первый натиск даяков был отражен. Но до победы было еще далеко.

Через минуту палуба «Марианны» опять кишела темными гибкими телами, которые метались с дьявольскими криками, собираясь в группы для последнего победного удара. Тогда на сцене появились запасенные Янесом ручные гранаты.

В тот момент, когда судно, казалось, уже было во власти даяков, а на его палубе толпились сотни дикарей, Янес дал сигнал, и на даяков посыпались гранаты. Они разрывались с оглушительным треском, поголовно уничтожая нападавших, сметая их с палубы.

Вслед за тем гранаты посыпались на переполненные даяками пироги, причалившие к бортам «Марианны», уничтожая их команды.

Все это произошло так быстро, что казалось каким-то сном. Миг – и нападавшие отступали по всей линии, бросая у «Марианны» полузатонувшие прао, а также сотни убитых и раненых, еще плававших возле судна. Уцелевшие прао убегали изо всех сил, а следом за ними неслись, все круша, все уничтожая, беспощадные выстрелы спингард «Марианны».

Увидев отступление врагов, Янес первым делом закурил новую сигару.

– Наконец-то гости убрались! – засмеялся он. – Кажется, наше угощение показалось им слишком горячим. Надеюсь, теперь они оставят нас в покое?

– Будут ждать нас, господин, при входе в реку, – отозвался Самбильонг, глядя на исчезавшие суда врагов.

– И снова вступят в бой, – подтвердил его предположение Тангуза, который при первых же выстрелах поднялся из каюты на палубу, чтобы принять участие в сражении.

– Ты думаешь? – спросил португалец.

– Уверен в этом, – отозвался метис.

– Ну ладно. Дадим еще бесплатный урок, который навсегда отучит их лезть туда, куда их не звали. Но вот в чем дело, Тангуза: сможем ли мы добраться на корабле до самого кампонга?

– Река судоходна на очень большом протяжении, – ответил Тангуза, – и ветер держится благоприятный. Доберемся без труда.

– А какие у нас потери? – осведомился Янес, оглядывая ряды бойцов.

– Восемь раненых, из них двое – опасно, и четверо убитых.

– Черт бы побрал даяков и этого пилигрима! – выругался Янес. Но сейчас же добавил привычным тоном: – Ну что же! Таков закон судьбы. На то и война…

Потом, обернувшись к Самбильонгу, он распорядился:

– Прилив нарастает, скоро достигнет наибольшей высоты. Воспользуемся этим и попробуем слезть с мели. Чем черт не шутит!..

III. Кабатуан

Уже часов пять вода поднималась, и мало-помалу прилив покрыл отмель, на которую наткнулась «Марианна». Представлялся благоприятный момент для попытки освободиться, и это не казалось особенно трудным: моряки заметили, что судно как будто уже сдвинулось с места. Оно еще не плыло, но никто не сомневался, что его можно спасти.

Первым делом палуба судна была очищена от трупов даяков, а затем экипаж «Марианны» принялся за работы по снятию судна с отмели.

Моряки забросили два якоря с кормы, подставили часть парусов ветру, дувшему с носа, двенадцать человек схватились за рычаги лебедки, другие двенадцать принялись тянуть якорные цепи, помогая работе лебедки. Послышался характерный скрип под днищем, судно заколебалось, вздрагивая под напором ветра, надувавшего пузырями огромные паруса, а потом как-то незаметно тронулось с места. И вот наконец «Марианна», освобожденная из плена, заколыхалась на волнах. Она была спасена.

– Наконец! – воскликнул Янес. – Кажется, одного прилива было достаточно, чтобы снять нас с этой проклятой мели. Поднимайте якоря, друзья, разворачивайте паруса и вперед! Правьте к устью реки.

– Не будем дожидаться рассвета? – спросил Янеса Самбильонг.

– Устье и фарватер широки и глубоки, – ответил португалец. – Отмелей нет, мне это говорил Тангуза. Предпочитаю теперь же пробраться в реку, чтобы застать врасплох даяков, которые, понятно, не рассчитывают увидеть нас так скоро.

Якоря были подняты и закреплены, паруса переставлены. Тангуза, не покидавший палубы, бросился к рулевому колесу.

В сущности, на судне только он один знал эти воды и мог ориентироваться.

– Правь к устью! – сказал ему Янес. – Как войдем в реку, так мы займемся делом, а ты можешь и отдохнуть.

– О господин! – ответил Тангуза. – Я уже не ребенок. Мне нет надобности отдыхать. Бальзам, которым Кибатани смазал мои раны, унял боль. Я словно возродился.

– Ага! – воскликнул Янес, круто повернувшись. – Твои раны! Кстати, ты еще не рассказал мне, как ты попал в руки даяков и за что они тебя терзали.

– Я начал рассказывать вам эту историю, господин, но эти разбойники, даяки, не дали мне возможности довести ее до конца.

– Итак, ты шел сюда из кампонга Тремаль-Наика, когда тебя захватили?

– Да, господин. Мой повелитель послал меня пробраться к берегу залива, чтобы послужить вам лоцманом при входе в реку.

– Значит, Тремаль-Наик ожидал нас к себе на помощь?

– Он ни минуты не сомневался, что вы поспешите для этого.

– Но где же ты попался врагам? И когда?

– Дня два назад. Некоторые из даяков, раньше работавшие на плантациях кампонга, узнали меня и взяли в плен. По-видимому, они подозревали, что Тремаль-Наик послал меня к побережью поджидать прибытия подкреплений. Поэтому даяки, захватив меня, тотчас же приступили к допросу, угрожая замучить, если я не расскажу, зачем приплыл сюда. Я отказался быть предателем. Тогда эти звери бросили меня в яму поблизости от муравейника, израненного, связанного, обливающегося кровью.

Почуяв запах крови, белые муравьи тысячами набросились на меня и принялись пожирать заживо. Какие муки переживал я в эти моменты – говорить не стану. Мучение продолжалось около четверти часа. Но, кусая меня, муравьи одновременно грызли и связывавшие меня веревки, пропитанные маслом, и вот, корчась от боли, я вдруг почувствовал, что мои путы слабеют. Еще одно усилие, и я был свободен. Даяков поблизости не было: они предоставили меня моей собственной участи. Я бросился в ближний лес, добрался чащей до побережья, там нашел челнок с парусом и поплыл вам навстречу, увидев, что ваш корабль маячит вдали.

– Враги порядком поплатились за твои мучения, – сказал Янес.

– Поделом! – стиснув зубы, отозвался метис. – Они не заслуживают пощады. Но взгляните, господин, на эти огни, которые блестят по побережью. Это сторожевые костры даяков.

– Вижу. Как ты думаешь, удастся ли нам проскользнуть незаметно мимо этих непрошеных сторожей?

– Может быть, если направимся по дальнему протоку; там, как вы видите, огней нет. Зато в канале, хотя воды в нем достаточно, немало отмелей. Впрочем, там мне знаком каждый шаг, и я надеюсь провести «Марианну» в реку благополучно.

– Веди. А мы все же сделаем кое-какие приготовления на случай столкновения с даяками, – закончил беседу португалец.

«Марианна» легко и быстро скользила по мрачным волнам. Из-за прилива уровень воды все поднимался, наполняя русло Кабатуана и облегчая плавание

судна. Весь экипаж, за исключением двух-трех человек, занявшихся перевозкой раненых, находился у бортов в полной боевой готовности, так как от даяков, хотя и потерпевших страшный урон в предшествующей стычке, можно было ожидать всего. Они могли попытаться опять взять судно на абордаж или, по крайней мере, подвергнуть его обстрелу, скрываясь в зарослях на островках у устья и на обоих берегах.

Метис Тангуза, управляя «Марианной», блестяще выполнил намеченный маневр: скользнув вдоль берега, судно круто изменило свой курс и влетело в тот рукав Кабатуана, где не было видно сторожевых огней даяков. Минуту спустя метис, радостно улыбаясь, сказал Янесу:

– Мы уже в фарватере реки, сахиб.

– А тебе не кажется, что даяки не обратили внимания на наше появление? – озабоченно отозвался португалец.

– Должно быть, они спят. Не ожидали, что мы могли так скоро освободиться, сойти с мели.

Но Янеса не удовлетворяли эти предположения. Молчание и царивший кругом покой казались ему обманчивыми.

– Думаю, если они нас и пропустили сюда, – пробормотал он, – то не без цели. Они собираются с силами и выше по течению опять вступят в бой. Ты, кажется, говорил, что кампонг находится в двух милях от реки? Очень жаль, что Тремаль-Наик не разместил свою резиденцию поближе к берегу: нам придется, значит, пробиваться к кампонгу по лесной чаще. И придется оставить часть экипажа для защиты судна. Это осложняет дело. Но мои друзья, испытанные бойцы с Мопрачема, надеюсь, покажут, что они умеют так же хорошо драться в лесной чаще, как и на волнах.

Тем временем «Марианна», обогнув длинную песчаную косу, мчалась, распустив огромные паруса, по водам Кабатуана.

Эта река, и в наши дни почти совершенно не исследованная европейцами, доступ которым в ее бассейн крайне затруднен враждебным поведением кровожадных даяков, в том месте, где плыла «Марианна», имела не менее ста с

лишним метров ширины. Ее высокие берега были затенены манговыми деревьями, дурианом[13 - Дуриан – произрастающее на островах Малайского архипелага дерево семейства бобовых, дающее необычайно вкусные, но обладающие крайне неприятным запахом плоды.] и каучуковыми деревьями. Ни единый огонек не блистал в этой полной таинственного и жуткого покоя чаще. Ни малейший шум не намекал на возможное присутствие на этих молчаливых берегах многочисленных отрядов не знающих жалости охотников за головами – даяков.

И только время от времени слышался глухой шум, когда задремавший на поверхности воды гавиал, спугнутый почти налетевшим на его бревнообразное тело судном, нырял вглубь.

Но с каждым шагом это странное спокойствие увеличивало подозрительность Янеса, и португалец держался настороже, удвоив свою бдительность и испытующе оглядывая берега.

– Нет, это невозможно! – бормотал он. – Несомненно, мы не могли проскользнуть незаметно. Просто-напросто они готовят нам какую-то ловушку. Что-нибудь должно скоро случиться. Но, к счастью, нас-то им не обмануть. Мы их слишком хорошо знаем. Врасплох застигнуты не будем…

Однако прошло еще с полчаса, а ничто не оправдывало подозрений Янеса. Он начал уже понемногу успокаиваться, когда над устьем реки вдруг заблестел огонь, вырвавшийся из чащи деревьев.

– Ракета! – воскликнул Самбильонг раньше, чем угас огненный след взлетевшего в небесную высь змея.

– Каким образом в распоряжении дикарей могли очутиться ракеты? – нахмурился Янес.

– Капитан, – ответил на его вопрос Самбильонг, – это только лишний раз доказывает, что в этом деле замешаны англичане. Дикари действительно таких сигнальных ракет до сих пор не знают.

– А может быть, это доказывает, что с ракетами даяков познакомил таинственный странник, – сказал Янес.

– Смотрите, капитан. Ответный сигнал, – привлек его внимание Самбильонг, указывая на другую ракету, поднявшуюся к небу уже с какого-то места вверх по течению Кабатуана, впереди «Марианны».

– Тангуза! – обернулся Янес к метису. – Кажется, бывшие рабочие плантаций твоего господина, Тремаль-Наика, приготовились к хорошему приему в нашу честь и хотят заставить нас преотвратительно провести эту ночку.

В это время на палубе послышались сдержанные восклицания:

– Огонь! Огни! Смотрите, смотрите!

Одним прыжком Янес очутился на командном мостике, с высоты которого было удобнее наблюдать течение Кабатуана, и его зоркий глаз различил массу огоньков, то появлявшихся, то скрывавшихся в туманной дали впереди «Марианны». Иногда эти огоньки словно разбегались друг от друга, иногда же, напротив, стремились собраться вместе и образовывали целые световые пятна.

– Что за история? – спросил Янеса Самбильонг. – Светляки, что ли? Так нет. Слишком велики. Не может быть…

– Разумеется, какие там светляки! – ответил португалец, лицо которого становилось все мрачнее.

Тангуза, который передал на время управление судном одному из моряков, приблизился к разговаривающим.

– Не можешь ли хоть ты сказать нам, что это за штука? – обратился к нему Янес.

– Огни, о господин! Огни, которые спускаются вниз по течению Кабатуана, нам навстречу.

– Быть не может! – сердито ответил Янес. – Ведь если бы даже на каждой лодке даяков горело не по одному огоньку, то и тогда лодок должно оказаться несколько тысяч, а даякам негде взять такую колоссальную флотилию, даже если они соберут суда со всех рек Борнео.

– Однако, господин, все же это огни, – стоял на своем метис.

– Огни, огни. Пусть так! Но на чем они зажжены? Разве что на плывущих стволах деревьев.

– На чем бы ни было, – вмешался Самбильонг, – но несомненно одно: они стремительно несутся нам навстречу.

– Ах, дьявол! – воскликнул Янес. – Что-то все же приготовили для нас даяки. Надо, чтобы наши люди держали наготове пожарные помпы, чтобы тушить эти проклятые плавучие огни, и шесты – отталкивать их от бортов «Марианны». Распорядись, Самбильонг, не поднимая шума. Теперь я понимаю этот дьявольский план: даяки хотят сжечь наше судно, изжарить нас самих. Но мы еще посмотрим, друзья, кто сильнее!

Весь экипаж «Марианны» пристально глядел в ту сторону, откуда плыли сотни и тысячи огней. Это было поистине волшебное, фантастическое зрелище. Огни неслись, кружась, сближаясь, разбегаясь. Казалось, огненные призраки пляшут над водами Кабатуана. Скоро можно было различить, что огни плыли определенными группами, будто прикрепленные к каким-то длинным обрывкам канатов. Одни группы вытягивались вдоль берегов, другие завивались капризной спиралью, третьи неслись, держась рядком, поперек течения. Куда именно направлялись эти призрачные огни, откуда они выплывали – определить было невозможно. Но теперь было ясно, что мчались они по волнам потока на каких-то плотах.

Экипаж корабля, однако, не теряя присутствия духа перед лицом грозной опасности, держался наготове, собираясь при помощи помп гасить огни, а шестами отталкивать и топить плывущие плоты.

– Держи курс к самой середине реки! – командовал Янес. – Если наше судно и загорится, то успеем приткнуться к тому или другому берегу.

Ветер стих, «Марианна» еле двигалась вверх по течению. Огни частью уже проплыли мимо нее, но главная их масса была еще впереди.

– А выудите-ка мне одну такую плошку, – распорядился Янес.

Кто-то из моряков исполнил приказание с неподражаемой ловкостью, и через секунду Янес уже держал в руках плавучий огонь. Это была половина скорлупы большого кокосового ореха, набитая какой-то волокнистой мякотью. Мякоть была пропитана смолистым веществом и снабжена фитилем. Содержимое скорлупы давало очень сильное и устойчивое пламя.

– Вот разбойники! – воскликнул Янес, закончив исследование оригинального плавучего костра или, вернее, крошечного брандера. – Час от часу даяки становятся все изобретательнее на всякие пакости!

И тут же португалец скомандовал:

– Руль на борт! Поворачивай назад! Иначе мы в самом деле сгорим в этом адском огне. – Одновременно он бросился руководить работами по освобождению от плавучих костров носа бригантины, где опасность принимала угрожающие размеры, ибо десятки, а может быть, сотни пылающих плошек приплыли к форштевню и словно прилипли к бортам судна. Поскольку «Марианна» была выстроена из дерева и снаружи просмолена, следовало предполагать, что для огня здесь найдется богатая пища и судно скоро превратится в пылающий гигантский костер.

Моряки, понятно, не зевали: они топили подплывавшие костры или шестами отталкивали их, спуская вниз по течению. Но борьба становилась непосильной, ибо на «Марианну» неслись буквально тысячи плошек. Обшивка судна уже пылала здесь и там, и пожарной команде экипажа приходилось заниматься тушением огня во многих местах. К счастью, экипаж «Марианны» был очень многочислен, и никто не сидел сложа руки.

Борьба длилась не менее получаса. «Марианна» медленно отступала перед огненной флотилией, выигрывая время и давая возможность большинству пылающих костров проплыть мимо, вниз по течению реки.

Таким образом, скоро настал момент, когда экипаж мог перевести дыхание, избавившись от грозной опасности: на всем пространстве Кабатуана вверх по течению царила мгла, и только в нижнем течении блестели еще огоньки быстро уносимых волнами в открытое море догорающих плавучих адских огней.

– Даяки опять притихли, – сказал Янес озабоченно.

– Готовят новую засаду, – отозвался Тангуза. – Они не дадут нам, господин, добраться до пристани кампонга, не напав еще раз.

– Открытый бой? Тем лучше! Предпочту любую схватку борьбе с разными хитростями и сюрпризами, – ответил португалец, раскуривая свежую сигару.

Тем временем «Марианна», опять описав полукруг и распустив паруса, продолжала подниматься вверх по течению Кабатуана, но с каждой минутой ее движение замедлялось, ибо ветер совсем стих. По-прежнему на обоих берегах могучего потока царила зловещая тишина, и в душе каждого члена экипажа «Марианны», словно чудом избавившейся от опасности, невольно копошилась мысль о том, что даяки, попытка которых уничтожить судно огнем едва не удалась, готовятся к новому нападению.

В это время лес, вековой, дремучий девственный лес Борнео вдруг ожил словно по мановению волшебного жезла: здесь и там слышался глухой гул, какие-то таинственные звуки, потом замелькали огни – бегающие, разлетающиеся среди стволов лесных гигантов.

– Начинается! – проворчал Янес, наблюдая это оживление. – Но дьявол меня побери, если я знаю, что они выдумали, эти даяки.

Явно обеспокоенный всем происходящим, Тангуза озабоченно вглядывался вперед.

– Подходим к самому узкому месту реки, – сказал он Янесу.

– Хорошенькое местечко для того, чтобы попытаться напасть на судно и попробовать взять его на абордаж! – ответил тот.

– Или осыпать его с близкого расстояния пулями, – вздохнул метис.

– Направь спингарды по линии берегов, Самбильонг! – скомандовал вполголоса Янес.

Канониры принялись исполнять приказ, но в это мгновение бригантина, которая уже несколько минут двигалась быстрее прежнего, подгоняемая вновь

поднявшимся свежим ветерком, вдруг испытала сильный толчок, заставивший судно задрожать всем корпусом и накрениться на правый борт.

– Что случилось? – крикнул Янес. – Наткнулись на мель, что ли?

– Ничего подобного, «Марианна» плывет по-прежнему, – послышался с носа голос бросившегося туда при толчке Самбильонга.

Тангуза, схватившийся за рулевое колесо, направил сбившееся от толчка судно вновь вверх по течению. Но едва «Марианна» продвинулась на несколько метров, как ее нос опять налетел на таинственное препятствие, и опять судно, словно отброшенное невидимой могучей рукой, задрожав всем телом, попятилось назад.

– Что за дьявольщина? – возмутился Янес, подходя к Самбильонгу.

– Не знаю, не понимаю! – ответил тот.

– Может быть, Тангуза, здесь есть подводные камни?

– Нет, господин, – ответил тот.

Тогда Янес распорядился, выбрав среди моряков хорошего пловца, послать его исследовать причину остановки бригантины. Посланный вернулся довольно скоро.

– Ну, что? Подводные скалы? – нетерпеливо окликнул его Янес.

– Нет, господин. Тут протянута поперек реки огромная цепь. Мы не можем двинуться вперед ни на шаг, если не перережем ее.

И в этот момент откуда-то с берега вдруг прозвучал чей-то оклик, властный и грозный:

– Сдавайтесь, дети Мопрачема. Или мы уничтожим вас всех, до последнего человека.

IV. Среди огня

У всякого человека застыла бы в жилах кровь, если бы он оказался в таких обстоятельствах: бригантина находилась в самом узком месте реки, лишенная возможности отступить, поставленная под обстрел с двух боков, беззащитная. Но Янес выслушал и доклад водолаза, и крик неведомого, таинственного врага не моргнув глазом. На его лице не появилось выражения ни страха, ни гнева.

– Ага! – воскликнул он. – Хотят нас передушить, как котят, и при этом столь любезны, что своевременно извещают нас о своем намерении. А еще мир считает их дикарями. Кой черт?!

Затем он опять обратился к водолазу, хладнокровно расспрашивая его о результатах исследования подводной цепи. Ответ был безрадостным: цепь толста, прочна и прикреплена ко дну Кабатуана массивными якорями.

– Откуда только эти дикари раздобыли ее? – удивлялся португалец, с полным спокойствием покуривая неизменную сигару. – И кто мог научить их изготовлять металлические цепи чуть ли не в мгновение ока? Несомненно, пилигрим. Но он делает настоящие чудеса, этот таинственный субъект и наш непримиримый враг…

– Капитан, – прервал его речь Самбильонг, – судно относит течением назад. Что делать? Не бросить ли якорь?

Португалец внимательно осмотрелся вокруг. Да, в самом деле, «Марианна», лишенная возможности двигаться вперед, не повиновалась рулю – ее относило течением.

– Брось якорь! – скомандовал Янес, и якорь с шумом упал в черные бурлящие волны Кабатуана.

– Спускай шлюпку! – продолжал командовать Янес. – Необходимо перерезать эту проклятую цепь.

В это время с берега опять донесся угрожающий крик:

– Сдавайтесь, или будете уничтожены!

– Ангел мой, это скучно, – проворчал Янес. И потом, сложив руки рупором, крикнул неведомому и невидимому врагу: – Если хочешь взять мой корабль – приди и возьми. Но предупреждаю: и пороха, и пуль у нас предостаточно. А теперь не надоедай, у меня есть дела поважнее, чем переговариваться с тобой.

– Пилигрим из Мекки покарает тебя! – отозвался тот же голос.

– Катись к своему Магомету, – отругнулся Янес.

Ответа не последовало. Самбильонг спустил шлюпку, посадив туда семерых человек с приказанием перерезать загораживающую русло реки цепь. Стрелки и канониры на бригантине приготовились в случае нужды защищать маленькое судно, отправлявшееся для исполнения рискованного предприятия.

– Рубите посильнее, кончайте работу как можно скорее! – выкрикнул отплывавшим малайцам свое напутствие Янес.

Затем он поднялся на мостик и принялся наблюдать за окрестностями. В лесу по-прежнему по всем направлениям разбегались разноцветные огоньки.

Глядя на эти огоньки, он нахмурился и промолвил:

– Что-то опять готовится. Но что именно?

Ответ не заставил себя долго ждать: здесь и там на обоих берегах показались уже целые полосы пламени.

– Они подожгли лес! – воскликнул португалец.

– Каучуковые деревья будут гореть, как пропитанный смолой костер, – подтвердил его догадку Тангуза, стоявший у рулевого колеса.

– Прала! – крикнул Янес командовавшему спущенной шлюпкой малайцу.

– Что, господин? – отозвался тот.

– Можете ли вы тут обойтись некоторое время собственными силами?

– У нас есть карабины, господин, и есть наши крисы[14 - Крис – стальной малайский кинжал с изогнутым лезвием и богато украшенной рукоятью.], – ответил старый пират.

– Самбильонг! Поднять якорь! – скомандовал португалец.

– Будем спускаться?

– Больше ничего не остается делать. Иначе эти черти в самом деле изжарят нас тут. Шлюпке грозит меньшая опасность от огня, чем «Марианне».

Пока поднимали лебедкой якорь и готовились спустить судно вниз по течению, шлюпка Пралы исчезла во мгле, но зато сейчас же послышались торопливые и яростные удары, лязг стали о железо: люди с остервенением рубили цепь, загораживавшую путь бригантине. А тем временем пожар в лесу тоже делал свое дело: разгоралось кровавое зарево, плыли по лесистым берегам огненные волны, здесь и там какое-нибудь охваченное огнем дерево вспыхивало от корня до вершины и превращалось в гигантский факел.

Лес этот, отданный в жертву беспощадному огню, представлял для огненной стихии легкую добычу, потому что состоял из камфарного дерева и разного рода каучуковых растений, пропитанных горючими смолистыми веществами. Сгорая, такие деревья наполняли воздух удушливым дымом и целым хаосом звуков: их древесина разрывалась с оглушительным треском, словно взрывались тысячи забытых целой армией ружейных патронов и пушечных зарядов. И тучи искр поднимались к побагровевшему небосводу.

«Марианна», однако, недолго стояла на месте: ее оттягивали и быстрое течение, и работа весел, к которым прибегли моряки. И постепенно она ускоряла и ускоряла ход, убегая, словно сознательное существо, от надвигавшегося на нее моря огня.

Так спускалась она на протяжении, должно быть, полутора тысяч шагов. Сверху еще доносились звуки лязга металла – малайцы рубили цепь. И вдруг опять, как полчаса назад, судно испытало сильный толчок на таком месте, где раньше оно прошло совершенно беспрепятственно, и остановилось, подставив один бок напору стремительно несущейся воды. Немного времени понадобилось, чтобы выяснить причину остановки: и тут бригантина наткнулась на протянутую поперек реки цепь. И тут путь, уже обратный, путь отступления, был для нее закрыт.

– Что делать, господин? – спрашивал португальца Тангуза. – Кажется, нам ничего другого не остается, как покинуть судно и выбраться на берег, пока его не затопило огненное море.

– Покинуть «Марианну»? – отозвался, негодуя, Янес. – Никогда! Это означало бы немедленную гибель нас всех, а потом и Тремаль-Наика и Дармы.

– Спустим вторую шлюпку, чтобы попытаться перерезать цепь? – подошел с вопросом Самбильонг.

Янес не отвечал. Стоя на носу бригантины со скрещенными на груди руками, судорожно стиснув зубами потухшую сигару, он сверкающим гневным взором глядел на разгорающееся море лесного пожара.

– Так что же? Прикажете спускать шлюпку? – повторил свой вопрос Самбильонг. – Ведь если мы не успеем убежать, то обречены на гибель в огне. И погибнет без толку «Марианна».

– Бежать? – отозвался глухим голосом португалец, выходя из задумчивости. – Бежать? Куда? Вокруг – огонь. Впереди и позади – цепи. И если даже мы их прорвем, то от этого наше положение не очень-то улучшится.

– Но нас сожгут!

– Подождем. Но мне кажется, что пока у детей Мопрачема слишком жесткая кожа и твердые кости, котлеты из нас выйдут не очень вкусными…

Затем, круто изменив тон, он крикнул во весь голос:

– Покройте палубу парусами, спустите паруса! Рукава помп – в воду! Бросай якорь! Артиллеристы – по местам!

Экипаж в мгновение ока исполнил приказ. Моментально парусина покрыла палубу и даже закрыла борта бригантины.

– Поливай! – опять скомандовал Янес, и на ткань полились потоки речной воды.

Янес хладнокровно закурил и остановился на носу судна, пытливо глядя в ту сторону, где моряки пытались разорвать цепь. Уже некоторое время не было слышно характерных звуков разрубаемого топорами железа. Его зоркие глаза увидели быстро мчавшуюся к «Марианне» лодку с семью малайцами. Их осыпали мириады огненных искр, но весла вздымались и опускались в озаренную багровым светом воду с ритмичностью, которая свидетельствовала о сохранении на шлюпке полнейшего спокойствия.

– Молодцы! Как раз вовремя, – промолвил Янес, увидя малайцев. И потом добавил, любуясь фантастическим зрелищем лесного пожара: – А ведь картинка недурна. Жаль только, что, наблюдая ее, рискуешь испечь собственную шкуру.

В самом деле, пожар представлял удивительное зрелище. Казалось, по лесу над обоими берегами Кабатуана несется огненный смерч, вздымаясь могучей колонной в недосягаемую высь.

Пылали, как факелы, стволы казуарина, камфарного дерева, арека, даммары, пылали толстые и безобразные стволы банановой пальмы и дуриана, пылали, крутясь, извиваясь, корчась, словно змеи, чужеядные лианы. И над пожарищем царил хаос звуков: гул, треск, стон и свист.

С каждым мгновением на борту бригантины все ощутимее был недостаток воздуха, нестерпимее становилась жара. Разостланные на палубе и прикрывавшие борта судна паруса, непрерывно поливаемые водой, тем не менее высыхали почти вслед за поливкой, коробились, дымились, угрожая загореться. И экипаж задыхался, тщетно пытаясь укрыться от грозящей все испепелить жары, развеваемой гигантским костром. К этому добавлялась другая опасность: с неба на палубу беспомощного судна сыпались дождем искры, падали целые ветви-факелы, причиняя людям страшные ожоги и вызывая здесь и там пожары, с которыми, однако, экипаж быстро справлялся при помощи шлангов и мокрых

швабр.

И как ни привычны были ко всяческим опасностям моряки «Марианны», но и среди них готова была начаться паника, и тревожные взоры выдавали, что ко многим из них закрался в душу страх погибнуть так, без борьбы, без сопротивления в огненном кольце.

Только один Янес, казалось, сохранял полное спокойствие.

Он сидел в привычной ленивой позе у двух пушек небольшого калибра, покуривая сигару.

– Господин! – воскликнул, подбегая к нему, метис Тангуза. – Мы скоро сгорим!

– Ничем не могу помешать этому, – ответил Янес спокойно. – Нечем дышать? Воздуха недостаточно? Постарайся подышать тем, что осталось в твоих легких.

– Надо бежать, господин.

– Некуда, милый. Некуда. Посидим здесь.

– Но мы сгорим!

– Если так суждено, то так тому и быть.

Слова Янеса были прерваны трескотней ружейных выстрелов: несколько десятков словно обезумевших даяков выскакивали на самый край берега, в огне и дыму, и стреляли по «Марианне», осыпая ее экипаж проклятиями и ругательствами.

– Что за скоты?! – выругался Янес. – Удивительно, до какой степени они надоедливы. Даже изжариться спокойно не дадут. Самбильонг! Надо убрать этих каналий.

Самбильонг крикнул канонирам, и с борта бригантины загремели выстрелы пушек малого калибра, заряженных картечью. Было видно, как картечь рвала на куски человеческие тела и швыряла трупы обезумевших даяков в горящую траву

побережья и пылающие кусты.

– Хорошо было бы, – пробормотал Янес, наблюдая эту быструю расправу, – если бы в компании, истребленной картечью, находился и наш дорогой друг, пилигрим из Мекки. Но он слишком хитер. Спрятался куда-нибудь в безопасное место…

Потом Янес обратился опять к Прале, уже подплывшему на полуобгоревшей шлюпке к бригантине:

– Цепь разбита?

– Да, господин. И проход открыт.

– Кажется, дело начинает меняться к лучшему. Тут огонь только разгорается, а вверху как будто начинает ослабевать. Значит, надо испытать свое счастье. Чему быть, того не миновать…

В самом деле, зеленого свода, нависавшего час назад над ложем могучего Кабатуана, уже не существовало вверх по течению: он сгорел. Зато над самой бригантиной сейчас пылали протянувшиеся с берегов навстречу друг другу толстые ветви, угрожая обрушиться и зажечь и без того дымившееся судно. Но в том месте, где держалась на якоре «Марианна», было несколько шире, чем там, где находилась первая цепь, и судну пока удавалось увертываться от гибели, а жар мало-помалу становился слабее, и к тому же поднявшийся ветер дул вверх по течению, что давало бригантине возможность быстро продвинуться вперед.

В четыре часа утра были подняты якоря, и «Марианна» вновь ринулась вперед, на поиски пристани кампонга Тремаль-Наика.

Но улучшение, казавшееся весьма существенным, все же было только относительным: по-прежнему «Марианне» пришлось плыть мимо двух огненных стен, по-прежнему было невыносимо жарко, и люди экипажа задыхались в едком и ядовитом дыму, и по-прежнему приходилось непрерывно поливать судно водой и поминутно тушить начинавшиеся здесь и там пожары.

Однако, когда бригантина снялась с якоря и тронулась в путь, даяки больше не показывались по берегам, не пытались воспрепятствовать судну идти вверх по течению, и это было уже выигрышем.

– Кажется, два урока, полученные от нас, – сказал Янес, обращаясь к Тангузе, – кое-чему их научили. Но эти даяки, должно быть, знали о том, что мы идем на помощь твоему господину, Тангуза. А ведь это странно: откуда они могли знать о нашем намерении?

– Знали еще раньше, господин, – отозвался метис. – Какой-нибудь предатель из слуг, какая-нибудь ядовитая гадина выдала, подслушав, тот приказ, который был дан Тремаль-Наиком посланному к вам курьеру.

– Но кто мог оказаться предателем?

– А вы забыли малайца, которого приняли на борт в качестве лоцмана?

– Дьявол! Я и забыл об этом мерзавце. Но даяки немного угомонились, пожар стихает; пожалуй, в самом деле, не мешает заняться этим вопросом. От мнимого лоцмана можно будет узнать кое-что. Иди со мной, Тангуза!

И Янес, распорядившись, чтобы люди оставались на своих постах в боевой готовности, дабы избежать опасности от неожиданного нападения, сошел с Тангузой в трюм, где еще горела лампада. Там, в одной из кают, лежал все еще погруженный в сон «лоцман».

Собственно, его состояние нельзя было назвать сном в прямом смысле слова. Едва-едва улавливалось его дыхание, так что с первого взгляда можно было принять его за мертвеца, тем более что его лицо потеряло нормальный цвет и словно покрылось каким-то сероватым налетом.

Янес, знавший от Самбильонга малайский способ оживления усыпленных, приступил к делу: растирал виски и грудь лоцмана, потом, взяв его обессиленные и холодные руки, многократно загибал их к спине и опускал к поясу, как это делается с утопленниками, чтобы возобновить функционирование легких.

Работа эта скоро дала положительные результаты: лицо даяка вновь приняло нормальный цвет, ресницы задрожали, дыхание стало глубоким, и наконец он очнулся и раскрыл глаза, в которых при виде Янеса отразилось выражение нечеловеческого испуга, животного страха.

– Как дела, дружище? – спросил, обращаясь к пленнику, португалец.

Лоцман задрожал всем телом, но промолчал.

– А ты здорово выспался тут, покуда мы дрались с твоими приятелями! – продолжал Янес ироническим тоном.

Лоцман по-прежнему молчал. По-видимому, он еще не собрался с мыслями. Время от времени он подносил руку ко лбу, покрывшемуся крупными каплями пота. Но по мере возвращения сознания рос охвативший его ужас.

– Ну? Что же ты молчишь? – продолжал допытываться Янес. – Или ты разучился говорить?

– Что… случилось, господин? – заговорил наконец дрожащим, неверным голосом лоцман, которого звали Падада. – Не могу понять, как это я очумел сразу после того, как Самбильонг стиснул меня.

– Пустяки, о которых не стоит говорить, – насмешливо отозвался Янес. – Лучше дай мне кое-какие объяснения. Например, кто тебя подослал к нам, чтобы ты направил корабль на мель?

– Клянусь вам…

– Не клянись. Клятвы – товар прескверный. Я ни гроша не дам за целый их ворох. И слушай: запираться бесполезно. Ты пойман, я держу тебя в своих руках. Лучше будет для тебя, если ты скажешь всю правду. Говори, кто нанял тебя погубить мой корабль? Кто подговорил тебя поджечь «Марианну»?

– Вам это только кажется! – пробормотал обвиняемый.

– Разве? Ну ладно. Только вот что, милый друг: моему терпению пришел конец. Говори: кто этот пилигрим из Мекки, который поднял даяков требовать головы Тремаль-Наика?

– Господин, вы можете убить меня. Я в ваших руках. Но вы не можете заставить меня говорить о том, чего я не знаю.

– Ты сознаешься?

– В чем, господин? Никакого пилигрима я в глаза не видал и не знаю…

– Ты скажешь, что и даяков напасть на меня не подбивал, правда?

– Клянусь, господин, всеми добрыми и злыми демонами! Я просто бродил по берегу в поисках пещеры, в которых саланганы устраивают съедобные гнезда, потому что один китаец заказал мне партию этих гнезд. А тут налетел ветер, оторвал мой челнок от берега и унес меня в открытое море, где я и встретил вас. Видит небо, чисто случайно!

– А почему ты до сих пор бледен?

– Господин, но ведь меня стиснули, сжали так, что я думал, пришел уже мой смертный час, и я еще не оправился.

– Ты лжешь, как пойманный мальчишка. Итак, ты признаваться не желаешь? Хорошо. Не добром, так иначе. Посмотрим, долго ли ты вытерпишь.

– Что вы хотите от меня, господин? – дрожащим голосом закричал пленный.

– Тангуза! – сказал Янес, не обращая внимания на стоны фальшивого лоцмана. – Свяжи руки этому человеку и отведи его на палубу. А если он будет брыкаться…

– Мой пистолет заряжен, – ответил спокойно метис.

Янес вышел из каюты, а Тангуза принялся исполнять полученное приказание.

V. Признания лоцмана

«Марианна», быстро продвигаясь вверх по течению, миновала ту зону, которая была охвачена лесным пожаром, и теперь судно шло между покрытых зеленью берегов Кабатуана. Почему пожар не пошел дальше, объяснялось просто: огненному потоку преградил дорогу ручей, впадающий в Кабатуан.

Полный покой царил в окрестностях, по крайней мере в этот тихий утренний час. И если судить по многочисленным стаям лесных птиц, беззаботно летавших в густых зарослях, можно было заключить, что даяки сюда еще не проникли.

Пернатый мир Борнео словно послал сюда всех своих представителей приветствовать пришельцев.

Одни перелетали через Кабатуан, весело перекликаясь; другие плавали по реке, третьи шныряли по отмелям, устраивая охоту за мелкой и крупной рыбешкой, которой кишела вода могучего потока. А на деревьях виднелись настоящие птичьи города. Это были удивительные создания птичьего искусства – гнезда в виде плотно сплетенных из растительных волокон мешков, подвешенных к гибким ветвям.

На отмелях же у берегов расположились на покой гавиалы, из которых иные, достигшие, должно быть, весьма почтенного возраста, имели в длину до пятнадцати футов.

– Вот эти милые звери быстро развяжут язык нашему лоцману, – промолвил Янес, глядя на гигантских пресмыкающихся. – Прекрасный случай подвертывается. Самбильонг! Спустить якорь! Здесь задержимся. Что? Нет, не надолго. Нескольких минут будет, видимо, достаточно. Не думай, что я собираюсь удить крокодилов, но все же приготовь солидную, крепкую веревку.

В эту минуту на палубе появился подталкиваемый сзади Тангузой предатель-лжелоцман. Он был охвачен страхом, заставлявшим его трястись всем телом, но в то же время не выказывал желания сознаться ни в чем.

– Самбильонг! – сказал Янес, как будто не обращая внимания на пленника, когда якорь был спущен и «Марианна» заколыхалась на месте, приостановив свой стремительный бег. – Брось-ка несколько кусков солонины гавиалам, чтобы раздразнить их аппетит.

Судно находилось совсем близко от отмели, на которой лежали крокодилы. Их было шесть или семь, и среди них выделялся один бесхвостый: по-видимому, этот драчун потерял свое лучшее украшение в битве с собратьями из-за добычи. Пресмыкающиеся спокойно грелись на утреннем солнышке и не выразили ни малейшего беспокойства при виде парусника, остановившегося так близко от них.

Самбильонг швырнул по направлению к отмели несколько кусков солонины. Гавиалы сначала лениво пошевелились, но через мгновение бросились туда, где плыло мясо, и вступили в отчаянную драку из-за неожиданной добычи, так что по реке пошел гул, а смотревшим с палубы «Марианны» было видно только месиво из разинутых пастей, взметывающихся хвостов да речной пены.

Покончив с неожиданным и только раздразнившим их аппетит завтраком, крокодилы опять выбрались из воды на отмель, как можно ближе к «Марианне», и толклись по песку, разевая пасти, вооруженные чудовищными зубами, в приятном ожидании новой добычи.

– Проголодались, голубчики? – засмеялся Янес. – Ну, потерпите. Сейчас мы вас накормим чем-нибудь получше.

И с этими словами он круто повернулся к пленнику.

– Господин мой!.. – пробормотал тот, бледнея.

– Если не хотел говорить раньше, то помолчи теперь, – оборвал его Янес.

Самбильонг моментально опутал шпиона веревкой, словно спеленав его, и потом неожиданным толчком сбросил его с палубы судна.

Падая, Падада испустил отчаянный вопль, прорезавший воздух и поднявший переполох среди многочисленных речных птиц: он думал, что его отдают в

жертву воде. Но на самом деле его положение было еще мучительнее: он повис над самой поверхностью Кабатуана, и веревка, опутывавшая его, как куклу, казалось, готова была каждое мгновение оборваться, потрескивая самым недвусмысленным образом. Гавиалы, увидев висящее над самой водой человеческое тело, покинули отмель и ринулись к борту «Марианны».

– Спасите! Спасите! – хрипел Падада, делая в то же время конвульсивные движения всем телом, чтобы разорвать путы.

Янес, не изменяя своего обычного сонного спокойствия, равнодушно глядел на бешено крутящуюся над рекой человеческую фигуру, как будто это было не живое существо, а бездушная кукла. Казалось, он измерял взором расстояние между ногами Падады и острыми рылами гавиалов: те, торопясь схватить добычу, мощными прыжками почти до половины туловища выскакивали из воды, но, не достигнув цели на какой-нибудь дюйм, грузно шлепались обратно, расплескивая вокруг себя воду фонтанами. Они дрались друг с другом, щелкали зубами, хлопали хвостами, осыпая соперников могучими ударами.

– Если Падада не умрет от страха, – сказал вполголоса Тангуза, – это будет настоящим чудом.

– Плохого ты мнения о даяках, – отозвался хладнокровно Янес.

– Просто немного покричит – и больше ничего.

– Помогите! Спасите! Пощадите! – выл предатель, извиваясь всем телом, словно червяк.

Какой-то шустрый гавиал изловчился и, подпрыгнув из воды, толкнул рылом малайца, не причинив ему этим большого вреда, но удесятерив его ужас.

По данному Янесом знаку Самбильонг немного подтянул веревку, подняв даяка на два-три дюйма. Португалец, облокотившись о борт и попыхивая сигарой, склонился над раскачивавшимся по-прежнему телом лжелоцмана.

– Ну, как живется-можется, дружок?

– Погибаю! – простонал несчастный, поджимая под себя ноги, которым угрожала опасность быть отхваченными зубами гавиалов. – Пощадите, помилуйте меня! Ой, погибаю! Не могу больше!

– Будешь рассказывать толком? А? Признаешься во всем?

– Только не бросайте меня гавиалам. Скажу все, все!

– Поклянись клятвой Ваи Ранг Кидул, богини – покровительницы собирателей гнезд саланганов.

– Клянусь, повелитель! Только поднимайте, скорее поднимайте меня! – молил безжалостного португальца посеревший от страха лоцман.

Но Янес не отдавал приказания, и Самбильонг оставлял шпиона по-прежнему висеть над рекой, кишевшей гавиалами, которые собрались к этому месту отовсюду, ныряли, подскакивали и свирепо дрались.

– Выдам все, все. Только пощадите меня. Только обещайте, что, когда я вам скажу все, вы не швырнете меня обратно к проклятым гавиалам, – стонал Падада.

Янес улыбнулся:

– Ты думаешь, мы собираемся содрать с тебя кожу? Не знаю, на что может пригодиться шкура такого животного, как ты. Правда, я продержу тебя в плену, пока не выяснится, насколько верны будут твои признания. Но потом я отпущу тебя на все четыре стороны. А теперь, Самбильонг, тащи-ка его сюда.

Даяка, собирателя ласточкиных гнезд, доставили в каюту Янеса, куда спустились португалец с Тангузой. Там лжелоцман признался, что был подослан даяками с целью ложным маневром погубить «Марианну» со всем ее экипажем, но в то же время он категорически отрицал свое знакомство с пилигримом из Мекки.

На вопрос Янеса, кто этот таинственный пилигрим, даяк поторопился заявить, что ничего не знает, и его слова казались искренними.

– Мы сами не знаем, – убеждал он, – кто это, он прибыл сюда несколько недель назад, привез много ящиков с оружием и осыпал даяков золотом и серебром. У него было несметное множество английских гиней и голландских гульденов. Его всюду встречали с почетом, даже вожди разных племен склонялись перед ним, потому что он носил зеленый тюрбан, как хаджи – человек, посетивший родину Магомета. Пилигрим целыми часами совещался с вождями, но о чем они говорили – остается их тайной. Однако вскоре по наущению старейшин даяки подняли восстание и потребовали головы Тремаль-Наика – того самого, который еще недавно пользовался общим уважением как их покровитель и защитник. Даяки эти хорошо вооружены: им розданы привезенное пилигримом оружие и боеприпасы. Они же получили богатые дары деньгами.

– Верно ли, – задал вопрос внимательно слушавший эти важные показания португалец, – верно ли, что недавно в устье Кабатуана появлялся английский корабль, что таинственный хаджи приплыл сюда именно на этом корабле и высадился на берег вместе с английским офицером?

– Верно, господин мой, – ответил лоцман. – И еще скажу: английские матросы выгрузили на наши берега то, что принадлежало пилигриму, то есть ящики с оружием и припасами.

– Какого племени, какого происхождения хаджи?

– Откуда мне знать? – ответил лоцман. – Никто не знает этого.

– Что за тайна? – проворчал нетерпеливо португалец. – Словно пузырь на болоте, неведомо откуда выскакивает этот чалмоносец. Неведомо почему оказывается нашим злейшим врагом. Неведомо почему получает полную поддержку и содействие англичан…

Минуту он молчал, задумчиво глядя на бледного, дрожавшего всем телом Пададу. Потом произнес:

– Теперь скажи, каким образом вы узнали, что «Марианна» прибудет сюда?

– Не скажу точно, но, кажется, среди близких Тремаль-Наику слуг есть человек, который обо всем оповещает наших вождей.

– Ну а ты лично какое поручение получил?

Даяк заколебался, и лицо его еще больше посерело.

– Ну? Открывай карты. Ведь я же пообещал тебе сберечь твою жизнь. Но требую полной откровенности. Иначе…

– Пощади, господин! Я все скажу. Мне было поручено навести твой корабль на мель.

– Так. Недаром я подозревал тебя. Дальше.

– А остальное должны были завершить даяки нападением на судно, лишенное возможности двигаться. Я же должен был воспользоваться замешательством в момент их нападения и поджечь судно.

– Любезный прием и дружеская услуга, – засмеялся Янес. – Но за откровенность благодарю. Итак, значит, даяки мечтали уничтожить нас?

– Да, господин. Мне кажется, хаджи хочет за что-то отомстить Тиграм Мопрачема.

– Что? Тиграм Мопрачема? Пиратам Сандакана? – удивился Янес. – Что за путаница? Какое отношение имеет этот проклятый хаджи к нам? Кажется, мы с мусульманами никогда не враждовали.

– Не знаю ничего, господин мой, – отозвался дрожащим голосом пленник. – Но я знаю, что хаджи поклялся погубить вас, истребить всех до последнего. Он заставил поклясться в этом и вождей наших племен. Они обещали помочь ему, чтобы из Тигров Мопрачема не уцелел никто. И никому не будет пощады.

– Ладно. Мы еще не просили, кажется, о пощаде. Мы со своей стороны постараемся отплатить той же монетой. Ведь мы не цыплята, чтобы позволить кому вздумается свернуть себе шею… Верно, Тангуза?

– Разумеется, сахиб, – отозвался метис, скрипнув зубами.

– Постой! – перебил его Янес. – Скажи, Падада, осаждена ли уже твоими любезными сородичами фактория Тремаль-Наика?

– Не думаю, господин. Ведь хаджи сначала направил свои силы против тебя.

– Значит, дорога от пристани к кампонгу должна быть свободна?

– По крайней мере, господин, не занята сильными отрядами.

– Сколько тебе обещал хаджи или как его там за то, что ты наведешь на мель и погубишь мой корабль?

– Пятьдесят гульденов и два карабина.

– Дешево. Я дам тебе двести гульденов, если ты проведешь мой отряд до кампонга.

– Согласен сделать это и даром, сахиб: ведь ты пощадил мою жизнь, которая была в твоих руках.

– Что обещано – получишь. Но далеко ли пристань?

– Вероятно, часа два пути, не больше, – вмешался Тангуза.

– Меньше, – кивнул головой даяк, который ликовал, чувствуя себя спасенным.

Янес разрезал стягивавшие его до этого момента веревки и, приказав следовать за собой, вышел на палубу «Марианны», которая тем временем, подняв якоря, двигалась вверх по течению Кабатуана.

Над ложем потока и вокруг по-прежнему царило полное спокойствие, и волны лениво катились между берегов, заросших зеленым ковром ползучих растений, среди которых высились разнообразнейшие деревья.

День давно наступил, и лес оживился. Кроме перелетавших с места на место пестро оперенных и крикливых птиц, в чаще поминутно мелькали темные тела

обезьян рода сиаманги с плоской головой, вдавленными глазами и огромной пастью до ушей. Обезьяны, по-видимому, чувствовали себя в полной безопасности и с криками, ужимками, гримасами весело гонялись одна за другой, перепрыгивали с ветви на ветвь, кувыркались в траве, то исчезая, словно нырнув в зеленые волны, то выскакивая на опушке. В воде здесь и там виднелись, шныряя среди болотных растений и трав, многочисленные гигантские ящерицы, земноводные пресмыкающиеся, достигающие двух метров в длину.

Ни малейшего следа даяков не обнаруживалось: будь они близко, вне всякого сомнения, это уже давно вызвало бы переполох среди четвероногих, отличающихся крайней пугливостью и боящихся человека пуще огня.

«Марианна» мало-помалу замедлила ход: в чаще, в которой протекала река, ветру негде было разгуляться, в отличие от нижнего течения Кабатуана. Приходилось помогать веслами и даже шестами.

Около полудня, однако, впереди показалась плоская и низкая платформа, языком отошедшая от довольно крутого берега к середине реки. Это была пристань кампонга Пангутаран, владений Тремаль-Наика, опирающаяся на вколоченные в глинистое дно реки могучие колья. По приказу Янеса «Марианна» направилась к пристани, одновременно изготовив к бою все пушки на тот случай, если окрестности заняты даяками.

Беглый осмотр, однако, не дал обнаружить самих дикарей, но позволил увидеть многочисленные следы их недавнего пребывания здесь: так, на близком расстоянии от пристани оказалось пепелище разрушенных пожаром хижин и навесов.

– Никого нет! – промолвил, задумчиво созерцая печальную картину разрушения, Янес.

– Должно быть, не ожидали, что нам удастся пробиться сквозь засаду и пройти так далеко, – ответил Тангуза, стоявший рядом с португальцем. – Были уверены, что остановят нас и уничтожат, не допустив войти в устье реки или в ее русло. Обманулись!..

– Далеко ли до самого кампонга?

– Часа два, господин.

– А если мы станем стрелять из пушек, то долетит ли звук выстрелов до поселка Тремаль-Наика?

– Вероятно. Но мы сейчас же отправимся в путь?

– Нет. Ночью это проделать легче и проще.

– А сколько людей возьмем с собой?

– Не больше двадцати. Мне не хочется оставлять «Марианну» беззащитной. Может быть, опять нас ожидает какая-нибудь западня.

Затем Янес распорядился прикрыть фальшборт «Марианны» бочонками с железными обрезками, чтобы лучше защитить канониров на случай обстрела судна с суши, и собрать паруса, не убирая их совсем. В таком виде «Марианна» могла за несколько минут подготовиться к продолжению пути.

Оставив судно под командой Самбильонга, сам Янес в сопровождении метиса Тангузы, лжелоцмана Падады и четырех матросов, прекрасно вооруженных, сошел на пристань и углубился в лесную чащу, которая простиралась до самого кампонга Тремаль-Наика.

VI. Стадо лесных гигантов

Небольшая полянка, плохо расчищенная, с торчавшими из земли стволами деревьев, раскинулась перед полуразрушенными огнем хижинами, шалашами и навесами поблизости от пристани. А дальше начиналась лесная чаща, целая стена стволов, оплетенных сетями ползучих растений. Никакой шум не нарушал царственного спокойствия могучего леса. Только изредка в зелени раздавался слабый крик геккона – певучей ящерицы Борнео – или писк крошечной птички халькостэт – соперницы южноамериканского колибри по блеску оперения.

Янес и его спутники, оглядевшись и убедившись по полному спокойствию пары обезьян буто, обитавших на одной из ближайших банановых пальм, что непосредственная опасность не угрожает, обошли постройки поселка у пристани, потом исследовали на полмили вокруг окрестности, не обнаружив, однако, признаков присутствия врагов.

– Словно сквозь землю провалились! – ворчал португалец, которого это непостижимое отсутствие даяков сильно беспокоило. – Уж не опомнились ли они, получив жестокий урок?

– Не думай так, господин, – отозвался лжелоцман, – ведь с ними пилигрим. Он поклялся погубить вас всех, и он не откажется от своей мести Тиграм Мопрачема. Он сделает все, чтобы получить ваши головы.

– Ладно. Ведь и ты с нами? Так в наш общий счет включи и собственную башку, – нетерпеливо ответил португалец, зорко оглядывая окрестности. И потом добавил: – Ну, пошли назад. Вернемся на судно, подождем до ночи.

День прошел без всяких приключений. Как только начало темнеть, Янес приказал готовиться к походу.

Экипаж «Марианны» насчитывал в данный момент около сорока человек, включая раненых, способных к бою. Не желая слишком ослаблять экипаж на случай нападения даяков, Янес взял с собой только пятнадцать испытанных бойцов и, оставив судно на попечение Самбильонга, пустился в рискованный путь по дебрям Борнео, сопровождаемый Тангузой, лжелоцманом и маленьким отрядом, тенями скользившим по лесу.

Все были вооружены дальнобойными индийскими карабинами и страшными саблями – парангами, любимым оружием малайцев. Кроме оружия отряд нес с собой богатый запас пороха и пуль на тот случай, если в кампонге Тремаль-Наика не окажется этого добра, так быстро расходуемого в бою.

– Вперед! – скомандовал Янес. – И ни звука. Как можно меньше шума, чтобы не выдать ничем нашего присутствия. Нельзя быть уверенным, что путь действительно свободен.

Он оглянулся назад, и долго его взгляд не мог оторваться от любимого корабля, а на сердце становилось почему-то все тяжелее. Судно было полускрыто от взора роскошной тропической зеленью, и на нем царила полная тишина, как будто его покинул экипаж.

– Можно подумать, что существуют так называемые предчувствия, – пробормотал португалец, отрывая взгляд от судна. – Какая же потеря грозит мне?

Он пожал плечами и потом решительно шагнул по направлению к лесной чаще. Метис и даяк-лжелоцман шли на несколько шагов впереди, показывая дорогу, потому что из всего отряда только они двое могли ориентироваться в этих девственных зарослях, где человек чувствовал себя одиноким, беспомощным, затерявшимся среди лесных гигантов.

Как и утром этого дня, теперь, в первые часы ночи, кругом под зелеными сводами леса царило полное спокойствие, словно тут не таились никогда хищные животные, словно отсюда исчезло почти все живое, за исключением птиц и обезьян. Но с приближением мглы и те исчезли. Даже не показывались летучие мыши, которыми кишат леса Борнео. Теперь только изредка слышался характерный крик певучей ящерицы.

– Похоже на то, – сказал португалец, – что это затишье перед бурей. Надвигается ураган, что ли? Мне тяжело дышать.

– Верно, сахиб, – отозвался метис. – Быть буре. Солнце опустилось в свинцовую тучу. Поторопимся, чтобы вовремя добраться до кампонга. Понадобится убежище…

– Если нас только пропустят туда, – хмуро улыбнулся португалец.

– Но даяков все не видно.

– Хорошо, если бы в самом деле они сняли осаду кампонга.

– А если кого и встретим, сахиб, то их не может быть слишком много, – высказал свое соображение Падада. – Те, кто работал у устья реки, не могли так быстро

добраться сюда; а те, которых мы можем встретить, не окажут серьезного сопротивления.

– Эх, кабы они в самом деле опоздали на двадцать четыре часа! Тогда бы я их ничуть не опасался, – ответил Янес. – «Марианна», пополнив свой экипаж людьми Тремаль-Наика, сумела бы отстоять себя. Кстати, Тангуза, много ли бойцов в распоряжении Тремаль-Наика?

– Человек двадцать малайцев, господин.

– Недурно. Значит, вместе с нами образуется маленькое войско, с которым будет предостаточно хлопот у этого проклятого мусульманского святоши. Но ускорим же шаги и постараемся добраться до кампонга перед рассветом.

Однако легче было высказать такое пожелание, чем привести его в исполнение: путники наткнулись на покинутую и одичавшую перцовую плантацию, которая образовала буквально непроходимую чащу. Колоссальные стволы многовековых деревьев не могли быть задушены вьющимися, ползучими лианами, но те, свешиваясь с ветвей деревьев, оплетенных ими, образовывали целый лабиринт из миллионов и миллионов скрученных, извивающихся, свитых в клубки или разбегающихся по всем направлениям толстых канатов, увитых зелеными гирляндами.

– За паранги! – скомандовал Янес, видя, что его проводники остановились перед зеленой стеной. – Где нельзя просто пройти – надо прорубить себе дорогу.

– Но тогда даяки услышат наш шум, – попробовал остановить его метис.

– Пусть так. Не отступать же нам? Рубите эти заросли. Живее!

Людям, сопровождавшим Янеса, не нужно было повторять приказание: моментально засвистали в воздухе тяжелые и острые паранги, рассекая живые канаты лиан, прокладывая узкую, но достаточную для прохода одного-двух человек дорогу в могучей чаще. Работая с лихорадочной быстротой парангами, отряд врубался все дальше и дальше в зеленый лабиринт. Прошло, должно быть, около часа, когда лоцман остановился и крикнул:

– Ни с места!

– Даяки близко? – спросил его Янес, понижая голос.

– Не знаю кто, господин мой, – отозвался тот. – Но впереди нас я слышал треск раздавленных кем-то сучьев и веток.

– Пойдем, Тангуза, поглядим, что там такое? – распорядился Янес. – Вы же держитесь вместе и берегитесь.

Метис и португалец змеями скользнули в гущу стволов и лиан и скрылись из виду.

Сделав добрую сотню шагов, разведчики остановились под растением, известным под названием крубуль, гигантские цветы которого распространяли вокруг одуряющий и неприятный острый запах. Растение это находилось на небольшой полянке, и отсюда можно было видеть на сотню-другую метров вперед. Поэтому Янес и Тангуза без труда различили фигуры нескольких человек, двигавшихся по лесу.

– Падада не ошибся, – прошептал Янес.

– Да, господин, – отозвался метис. – Вижу людей. Но кроме них есть еще кто-то. Слышишь ли шум, о господин?

– Похоже на гром, но… Но тогда почему не видно блеска молнии? И похоже на то, что бурный поток ворвался в лес и крушит деревья. Но ведь не упала еще ни единая капля воды. Наводнения быть не может. А гул растет и быстро приближается к нам.

Тангуза подтвердил это. Тогда Янес припал ухом к земле. Через секунду он вскочил на ноги, воскликнув:

– Ничего не понимаю! Вернемся к отряду. Может, наш проводник сумеет объяснить это странное явление.

Нескольких минут было достаточно, чтобы разыскать отряд. Люди были взволнованы и обеспокоены странным нараставшим гулом, происхождения которого они объяснить не могли. Один Падада оставался спокойным. И на вопрос Янеса не замедлил дать объяснение:

– Стадо слонов, господин мой, – сказал он. – Лесные великаны убегают от какой-то опасности, прокладывая себе дорогу в зарослях. Их очень, очень много.

– Кто мог испугать их?

– Конечно, люди, господин. Даяки. Твои враги.

– Что посоветуешь делать?

– Продолжить свой путь. Если нам преградят дорогу слоны, то ведь они боятся стрельбы. Они очистят дорогу, как только ты велишь дать несколько выстрелов.

– Если так, то вперед! – скомандовал Янес, и отряд опять двинулся по направлению к кампонгу Тремаль-Наика.

Что проводник не ошибся, в этом могли убедиться очень скоро все: к глухому гулу присоединились треск и топот, а потом явственно донеслись характерные звуки, напоминающие рев медных труб. Это гонимые кем-то лесные великаны нарушали тишину дремучей чащи.

По всем признакам, действительно, огромное стадо толстокожих владык леса подверглось нападению своего врага – человека. Надо предполагать, что это было делом рук весьма многочисленного отряда даяков, потому что слоны в обычных условиях не позволяют запугать себя какой-нибудь кучке охотников.

Но куда мчались лесные гиганты?

Это скоро выяснилось: они направлялись прямо на маленький отряд Янеса, грозя буквально растоптать его. К счастью, поблизости находился «остров» из могучих камфарных деревьев, росших так тесно одно около другого, что образовывалась настоящая стена, достаточно крепкая, чтобы устоять даже под напором слонов.

– Скорее туда! – закричал Падада, и люди Янеса в мгновение ока бросились под защиту деревьев. Едва последний из малайцев скрылся за стволами камфарного дерева, как на месте действия показались мчавшиеся ураганом передние слоны, прорезавшие своими телами широкую дорогу среди зарослей. Казалось, ничто не может остановить их безумного бега, ничто не способно сопротивляться их дикому натиску.

На их пути стояло несколько стройных молодых пальм. Миг – и словно серп титана скосил эти прекрасные и гордые деревья.

Но это были только передние слоны. А вслед за ними в чащу врезался настоящий живой поток, море колоссальных темных тел. Они неслись плотной массой, клином врезаясь в заросли, и там, где они проходили, держа самок и детенышей в середине, казалось, проносился по лесу ураган, выворачивающий с корнями деревья, разрывающий, словно паутину, сеть лиан.

Группа слонов направлялась, по-видимому, к острову из камфарных деревьев, и Янес хотел уже распорядиться встретить гигантов леса ружейными выстрелами. Но Падада остановил его:

– Ни звука, господин, здесь люди.

В самом деле, вслед за слонами показались и те, перед которыми бежало в слепом, паническом страхе стадо лесных великанов. К общему удивлению, это был крошечный отряд, состоявший не более чем из двадцати почти совершенно нагих дикарей. Но даяки обладали оружием, подчинявшим их воле колоссальных владык леса: это был огонь.

Янес из своего убежища наблюдал все подробности маневра врагов: даяки швыряли в слонов пылающие факелы из облитых смолой сучьев. Падая на спины лесных колоссов, факелы, естественно, причиняли толстокожим ужасные ожоги, доставляющие невыносимую боль. Затем факелы скатывались и падали на землю, а даяки подхватывали их и опять бросали вслед слонам, неустанно преследуя, гоня их в одном и том же направлении.

Живой поток промчался, к счастью, мимо спрятавшихся в камфарном лесу людей Янеса. И гнавшие слонов даяки, увлеченные своим делом, пронеслись мимо отряда, не заметив его присутствия.

– Охотники, что ли? – спросил шепотом Янес державшегося поблизости Пададу.

– Да, охотники. Только они охотятся не за слонами, господин. Они устраивают облаву на тебя и твоих друзей. Будь уверен, господин: то, что мы покинули корабль и пошли лесом, уже известно твоим врагам. И вот они направили навстречу тебе слонов, рассчитывая, что где-нибудь в лесной чаще гиганты встретят и растопчут твой отряд.

– Значит, мы можем столкнуться с этим стадом снова?

– Возможно, если не ускорим шаг и не укроемся в кампонге Тремаль-Наика. Но я не знаю, далеко ли мы от Пангутарана: в этой чаще почти невозможно ориентироваться. Все же, думаю, доберемся раньше рассвета. Трогаться?

– Ладно, – ответил Янес. – Но сначала объясни мне: каким образом твои соплеменники так ловко управляются со слонами?

– Дело случая, господин. Должно быть, они в поисках нашего отряда просто наткнулись на стадо слонов и воспользовались этим.

Среди даяков нет ни магутов Сиама, ни карнаков Индии[15 - Магут (махаут), карнак – погонщик слонов. Сиам – прежнее название Таиланда.], знающих великую тайну укрощения слонов.

– Но что же будет дальше со стадом? Долго ли будут гонять его даяки?

– Пока не разбегутся слоны. Или пока не истощится запас факелов, – ответил лоцман.

– Большие же хитрецы и ловкачи твои соплеменники, – одобрил сметливость и бесстрашие своих врагов Янес.

Вслед за тем отряд покинул свое убежище и тронулся в дальнейший путь, прокладывая себе дорогу по лесу. Шум, поднятый пронесшимися по лесу слонами, слышался, постепенно слабея, еще не меньше получаса: даяки, очевидно, продолжали гонять по лесу слонов огнем факелов в надежде где-нибудь наткнуться на притаившийся отряд Янеса и уничтожить его, не тратя сил

на открытый бой.

По временам гул нарастал: слоны возвращались.

Но Падада и Тангуза уже без труда ускользали от встречи с живым потоком, меняя направление.

И наконец настал момент, когда в чаще водворилось прежнее спокойствие: по-видимому, даяки потеряли надежду отыскать отряд в этой части зарослей и погнали слонов по направлению к берегу Кабатуана. Или, может быть, «игра» кончилась, так как слоны рассеялись по лесу.

– Твои враги предполагают, господин, что ты еще далеко от кампонга, – сказал Янесу Падада. – Они отправились искать тебя на берегах. Ты сам видишь: это бой не на жизнь, а на смерть. Они знают, что если ты соединишься с защитниками кампонга, то взять укрепление будет очень трудно.

– Да я вовсе и не думаю застревать в этом кампонге, – с некоторой досадой отозвался Янес. – Мое дело выручить Тремаль-Наика и его товарищей, а потом доставить их всех на наш остров, в наше гнездо, Мопрачем. Я вовсе не рассчитываю до Страшного суда вести войну с каким-то мусульманским бродягой.

– Но ты догадываешься, господин, кто такой этот пилигрим из Мекки?

– Не будем торопиться. Настанет день, когда все выяснится. Тогда и подведем итоги. А пока наше дело – спасти Тремаль-Наика и его дочурку. А там будет видно. Но где мы находимся? Кажется, лес редеет!

– Верно, повелитель. Кампонг Тремаль-Наика уже близок.

Метис Тангуза отозвался в свою очередь:

– Скоро вступим на плантацию. Если только я не ошибаюсь, мы около Марапогэ.

– А это что за зверь, Марапогэ?

– Приток Кабатуана, вдоль которого проходит граница фактории. Но что это?

– Что случилось? – поднял голову Янес.

– Вижу огни.

– Кампонг, может быть?

– Нет, господин. Скорее – костры тех, что осаждают жилища Тремаль-Наика.

– Гм! Значит, придется силой прокладывать себе дорогу в кампонг? Терпеть не могу драться! – проворчал Янес. – Странно: я самый мирный человек на свете. А мне, как нарочно, всю жизнь только и приходится делать, что драться, драться, драться. Право, удивляюсь еще, как это у меня остается время на то, чтобы иногда спокойно сигару выкурить. Но, по правде говоря, мне это начинает надоедать.

– Нападем на осаждающих с тыла, – предложил Тангуза.

– Ладно, – согласился португалец.

– Тсс! – прервал их переговоры лоцман.

– Что такое?

– Слышу журчание ручья. Он впереди нас. Чтобы добраться до кампонга, придется сначала пересечь ручей.

– Тогда вперед. И ударим по даякам. А то… а то мне ужасно хочется покурить без помехи. Надеюсь, что друг Тремаль-Наик, в свою очередь, не даст своим ружьям и пушкам молчать, когда мы будем пробиваться к кампонгу. Вперед же! Сомкните ряды!

И отряд ринулся в том направлении, где светились огни даяков, осадивших поселок Тремаль-Наика.

VII. Кампонг Пангутаран

Пять минут спустя отряд молча перебрался через неглубокий поток и построился на противоположном берегу, почти совершенно лишенном растительности. По ту сторону ручья расстилалась широкая равнина, украшенная всего лишь несколькими группами деревьев, заканчиваясь у обширной постройки, над которой возвышалось нечто вроде сторожевой башенки.

В этот час перед рассветом мрак ночи едва-едва рассеялся, и потому трудно было разглядеть и определить точно, что именно представляло собой это здание, но лоцман Падада и метис Тангуза узнали его.

– Кампонг Пангутаран! – воскликнули они в один голос.

– И к тому же со всех сторон окружен даяками, – добавил, хмуря брови, Янес. – Неужели их главные силы успели-таки прибыть сюда, опередив нас?

Действительно, многочисленные огни, расположенные полукругом, горели перед факторией, заставляя предполагать, что охотники за головами раскинули здесь громадный лагерь.

Маленький отряд остановился, печально рассматривая эти огни и стараясь хоть приблизительно подсчитать силы осаждающих.

– Вот так задача! – пробормотал Янес. – С одной стороны, было бы безумием слепо нападать на врага, быть может, обладающего в сто раз большими силами, а с другой – не менее безрассудно ожидать рассвета, потому что тогда наше нападение не будет неожиданным и мы рискуем потерпеть неудачу.

– Господин мой! – обратился к нему в это время лоцман. – Как вы думаете поступить?

– Велико ли число осаждающих, по твоему мнению? – спросил вместо ответа Янес.

– Судя по числу огней – да, господин. Хотите, я пойду разведаю?

Янес недоверчиво покосился на него.

– Вы сомневаетесь во мне, не правда ли? – с улыбкой спросил даяк. – До известной степени вы правы, потому что всего несколько часов тому назад я был вашим врагом. Но теперь, вы это уже знаете, ваше великодушие превратило меня в самого преданнейшего слугу Малайского Тигра и его друзей. Солнце взойдет не раньше чем через полчаса, господин. Дайте мне десять минут, и вы будете знать все, что вам нужно, о силах и расположении ваших врагов.

– Ну, ступай, – согласился Янес, которому ничего больше не оставалось делать. – Если ты докажешь мне свою верность, то не раскаешься в этом.

Лоцман взял у одного из матросов остро отточенный паранг, сделал прощальный жест рукой и скрылся в ночной темноте.

Минут через пять он так же быстро вынырнул из мрака и приблизился к нетерпеливо ожидавшему его с часами в руках Янесу.

– Вы можете быть спокойны, господин, – сообщил он, еле переводя дух от быстрого бега. – Главный отряд даяков, с которым вы имели дело около устья реки, еще не прибыл сюда. Осаждающих не более сотни, и ряды их так редки, что вряд ли устоят против неожиданного нападения.

– Ну, мои храбрые Тигрята, – обратился Янес к ожидавшему его приказаний отряду, – бросайтесь вперед, очертя голову, покажите этим головорезам, на что способны такие отважные пираты, как вы.

В несколько минут была выстроена боевая колонна. Все участники отважной экспедиции расположились в два ряда, выставив вперед наиболее испытанных бойцов и сохраняя полнейшую тишину, и двинулись по направлению к кампонгу. Янес вскинул на плечо карабин, обнажил кривой ятаган и вытащил из-за пояса двуствольный индийский пистолет с длинным дулом.

Пройдя за несколько минут густые заросли, отделявшие отряд от местопребывания даяков, пираты достигли того места, с которого им предстояло начать рискованную атаку. Даяки, уверенные в своей полной безопасности, беспечно расположились вокруг фало – небольших костров –

группами, человек по пять-шесть в каждой. Метрах в трехстах за ними возвышался сам кампонг. Это было довольно большое здание, несколько напоминавшее котту – крепость, окруженную широкими стенами из крепчайшего в мире дерева – тика, способного выдерживать не только ружейный огонь, но даже пальбу малайских лил и миримов, и опоясанную густым лесом иглистых растений, препятствовавших полуголым и лишенным всякого намека на обувь даякам взять ее приступом.

На центральном здании, напоминавшем по виду красивые индийские бунгало, возвышалась узкая деревянная башенка, нечто вроде арабского минарета, на вершине которой сверкал огромной величины фонарь.

– Тангуза! – обратился к метису Янес, остановив на мгновение свой отряд. – Ты знаешь, где находится проход к кампонгу?

– Да, сахиб, – ответил тот. – Я проведу вас самым верным путем.

– Готовы? – повернулся Янес к пиратам.

– Готовы, капитан!

– Ну, теперь можно начинать атаку. Стреляйте самым отчаянным образом, а чтобы защитники кампонга не приняли нас за врагов, кричите при этом: «Да здравствует Мопрачем!» Поняли? Вперед, Тигрята!..

И весь отряд бешеным галопом обрушился на ближайшую группу даяков, стреляя и нанося убийственные сабельные удары направо и налево с криком:

– Да здравствует Мопрачем!

Застигнутые врасплох даяки были так ошеломлены этим неожиданным нападением, что даже не пытались сопротивляться. Они бегали, как безумные, по лагерю, не понимая толком, откуда на них произведена атака.

Когда отряд Янеса, прорвавшийся совершенно невредимым сквозь цепь осаждающих, приблизился к кампонгу, на стенах его появились защитники с ружьями в руках. Они, по-видимому, приготовились уже стрелять, как вдруг

прозвучал повелительный голос:

– Стойте! Это друзья! Откройте ворота!

– Эй, дружище Тремаль-Наик! – громко закричал Янес. – Мы вовсе не нуждаемся в свинцовых орехах на десерт от тебя. Сыты уже этим угощением от даяков.

– Янес! – радостно воскликнул индус.

– А ты за кого нас принял? Но поднимайте поскорее подъемный мост. Даяки уже опомнились.

Громадная доска тикового дерева, крепкого и тяжелого, как железо, была втянута обитателями кампонга при помощи толстых канатов на блоках, и отряд Янеса вместе с лоцманом и Тангузой поспешили внутрь укрепления, в то время как защитники кампонга приветствовали едва опомнившихся от растерянности даяков двумя пушечными выстрелами и оживленным ружейным огнем.

Человек высокого роста, с выхоленными усами и тонко очерченным бронзовым лицом, на котором горели черные, как ночь, глаза, вышел навстречу португальцу. На индусе был странный и по-своему красивый костюм, состоявший из деталей одежды смешанного английского и индийского образца. Голову его прикрывал, однако, традиционный белоснежный тюрбан.

– Дай обнять тебя, дорогой друг Янес! – сказал он, протягивая руки к португальцу. – Сама судьба, по-видимому, хочет, чтобы я всегда прибегал к великодушной помощи беззаветно храбрых детей Мопрачема.

– Где же твоя дочь, прекрасная Дарма? – прервал поток его приветствий Янес. – Почему я ее не вижу?

– О ком, собственно говоря, ты спрашиваешь? – улыбнулся индус. – Ведь у меня две Дармы.

– О, дружище, конечно, о дочери. Говоря по совести, я забыл о существовании другой Дармы, великолепной тигрицы.

– Дочь спит. А тигрица вместе с Каммамури находится в отряде, отправившемся в экспедицию к берегу.

– Как? Разве маратх[16 - Маратхи – один из народов, населяющих Индию.] в отсутствии? – воскликнул Янес.

– Опасаясь, что Тангуза мог не добраться к вам, Каммамури, вопреки моему совету, отправился с небольшим отрядом к берегу и теперь, если только ему удалось ускользнуть от даяков, он уже, вероятно, плывет по направлению к Мопрачему.

– Ну, значит, мы встретимся там с ним позже.

– Но войдем же, друг, в комнаты. Здесь не место вести беседу. А ты, Тангуза, возьмись за дело и приготовь что-нибудь съедобное для Тигров Мопрачема.

С этими словами Тремаль-Наик направился к павильону, возвышавшемуся посреди нескольких отдельно стоящих громадных навесов, на которых грудами были навалены сушеные плоды и фрукты, и ввел португальца в одно из помещений нижнего этажа, освещенное низко повешенной лампадой индийской работы, свет которой смягчался голубоватыми гранеными стеклами абажура. По всей обстановке было видно, что и на чужбине Тремаль-Наик не отрекся от своих старых вкусов кровного бенгальца. Вся комната была обставлена легкой и элегантной индийской мебелью и теми низкими и удобными диванами, которые всегда можно найти в жилищах богатых индусов.

– Прежде всего, друг, по стаканчику, – сказал индус, наполняя два стакана брамой, этим неподражаемым напитком, приготовляемым из экстракта перебродившего риса, сахара и ароматных соков различных пальм. – Брама бодрит…

– Уф! – отозвался Янес. – Давай. А то я устал, как кляча. Старость одолевает, милый. Но объясни мне скорее, что вызвало восстание даяков?

– Сейчас. Но раньше ответь, как ты-то сюда добрался?

– Вместе с «Марианной», но после довольно-таки жаркого боя в устье Кабатуана. Оставил судно около пристани. Там почти половина моего отряда.

Тремаль-Наик серьезно забеспокоился.

– Однако там остались люди, на которых можно смело положиться, – сказал Янес, который заметил тревогу друга.

– Но зато и наши враги, даяки, гораздо многочисленнее, чем я предполагал раньше. И кроме того, словно по какому-то волшебству, они оказались хорошо вооруженными и, мало того, еще обученными военному искусству пилигримом из Мекки. Кстати, ты, Янес, встречал когда-нибудь этого шарлатана?

– Я? Никогда в жизни. А ты? И не знаешь, кто он? – отозвался Янес, в высшей степени изумленный тем обстоятельством, что и Тремаль-Наик ничего, в сущности, не знает о страшном враге, поднявшем против него даяков.

– Ничего не знаю. Две недели тому назад я отправил к нему гонца, прося его явиться для переговоров со мной, желая выяснить, что же, в конце концов, ему от меня нужно. Знаешь, что он ответил? Он прислал сказать мне, что я должен явиться к нему вместе с моей дочерью, так как ему нужны наши головы.

– Наглец! – возмущенно воскликнул Янес. – Слушай, не наносил ли ты когда-нибудь смертельного оскорбления какому-либо влиятельному вождю даяков? Ведь они страшно мстительны.

– Никому я не причинил зла. И потом, этот человек – не даяк. Некоторые утверждают, что это араб старого закала. Другие говорят, что он негр. Третьи уверяют, что это индус. Несомненно, существует какая-нибудь причина для этой жгучей и беспощадной мстительности, но чем больше я думаю, тем меньше что-либо понимаю. Правда, у меня в душе начинает шевелиться одно подозрение. Но оно настолько абсурдно, что ты будешь смеяться, если я тебе его выскажу. Представь себе, я подозреваю, что это какой-нибудь туг.

Вместо того чтобы улыбнуться при этих словах, как ожидал индус, Янес заметно побледнел.

– О! Ты уверен, Тремаль-Наик, что все вожди секты «душителей» Суйод-хана были истреблены нами в пещерах Раймангала или англичанами во время бойни в Дели[17 - В мае 1857 г. в Индии вспыхнуло народное восстание против британского господства. Основную массу повстанцев составляли сипаи – наемные войска, формировавшиеся из местного населения. Уже через две недели почти вся Северная Индия, в том числе и крепость Дели, была в руках восставших. Дели был взят английскими войсками в сентябре 1857 г. Англичане потопили восстание в крови. Пленных расстреливали, привязывая к жерлам пушек. Несмотря на активные действия английских войск, восстание было окончательно подавлено лишь в 1859 г.]? Кто нам поручится за это?

– Ты думаешь, Янес, что эта таинственная личность действительно вздумала мстить нам за Суйод-хана одиннадцать лет спустя?

– Тебе, Тремаль-Наик, приведшему их к гибели, должно быть лучше, чем кому-либо другому, известно, как они кровожадны, злопамятны и мстительны.

Тремаль-Наик снова стал задумчивым, его лицо выдавало глубокое волнение. Затем он махнул рукой, как бы отгоняя от себя какой-то призрак, и сказал:

– Нет, это невозможно, это нелепо. Если даже и допустить, что туги еще существуют в Индии, то они, конечно, не стали бы ждать столько времени. Этот пилигрим, должно быть, попросту какой-нибудь бродяга, авантюрист, который хочет, добившись популярности у даяков, попытаться основать новый султанат и который только делает вид, что ненавидит меня. Он, вероятно, распустил слух, что я не мусульманин и поэтому являюсь врагом даяков, что я тайный слуга англичан, намеревающийся помочь угнетению даяков. Словом, он – что хочешь, но только не туг.

– Пусть будет так. Но все же мне кажется, что ты, друг, попал в незавидное положение. Ведь ты уже потерял все свои богатые фактории?

– Да. Все разграблено, все сожжено.

– Видишь! Выходит, что было бы гораздо лучше, если бы ты остался вместе с нами в Гнезде Тигров – на острове Мопрачем.

– Мне хотелось попытаться колонизировать эти берега и цивилизовать населяющих их дикарей.

– Промахнулся. Выстрел в воздух.

– Сознаюсь.

– А в общем ты потерял, должно быть, несколько сотен тысяч рупий, и твоя работа пошла прахом. Хорошо еще, что у тебя уцелели твои фактории в Бенгалии. Но вот в чем дело: когда мы можем отправиться отсюда?

– Я попрошу у тебя отсрочки на сутки: надо постараться спасти что можно. А тогда – на борт «Марианны».

– И на ней – во все лопатки на Мопрачем. Наше присутствие там в высшей степени необходимо.

Он произнес эти слова таким серьезным тоном, что индус был поражен.

– Разве и Мопрачему грозит какая-нибудь опасность? – спросил он.

– Пока ничего определенного. Но ходят слухи, которые сильно беспокоят Малайского Тигра. Англичане опять носятся с идеей выжить нас из нашего последнего убежища. С некоторых пор на нас взваливают ответственность за все случаи мелкого пиратства, происходящие у восточного берега острова, хотя уже в течение нескольких лет все наши боевые суда стоят на якорях. Говорят, что наше присутствие придает смелости береговым пиратам, и мы прямо или косвенно, но натравливаем их на корабли, идущие в Лабуан. Все это ложь, конечно, но ты знаешь коварство англичан.

– Так вот как они собираются отблагодарить нас за то, что мы освободили Индию от секты тугов? Но неужели Сандакану придется уступить им?

– О нет. Ты его знаешь: ведь он способен бросить перчатку не только в лицо Англии, но и…

В это время глухой звук отдаленного выстрела прервал его речь.

– Ты слышал? – вскричал Янес, вскакивая на ноги в сильнейшем волнении. – К югу от твоего кампонга стреляет пушка. Это значит, что даяки атакуют «Марианну».

– Поднимемся на сторожевую вышку, – предложил Тремаль-Наик. – Оттуда будет легче точно определить, где стреляют.

VIII. Взрыв «Марианны»

Тремаль-Наик и Янес покинули комнату индуса и, поднявшись по лестнице, вышли на одну из террас павильона, на которой возвышалась сторожевая башенка, или, вернее, своеобразный минарет, тонкий и высокий, с внешней лесенкой. В одну минуту они добрались до вершины, заканчивающейся небольшой круглой платформой. Там была установлена длинноствольная спингарда, которая могла стрелять при надобности во всех направлениях.

Солнце уже почти взошло. По равнине лились потоки его света. Даяки, осаждавшие кампонг, с появлением дня удалились на расстояние шести или семи сотен метров, укрывшись за толстыми древесными стволами, срубленными специально для того, чтобы ими можно было пользоваться в качестве щитов, передвигая или, точнее, перекатывая их по своему усмотрению. Казалось, за ночь силы их возросли. Бросив на них быстрый взгляд, Тремаль-Наик невольно воскликнул:

– Но вчера их не было так много, как сейчас!

Янес собирался спросить индуса о чем-то, как вдруг донесся глухой звук пушечного выстрела, пророкотавшего вдали за лесом.

– Стреляют на юге! – воскликнул португалец. – Это, несомненно, палят из пушек на «Марианне». Даяки осаждают моих матросов. Не знаю, отобьются ли ребята. Какими силами располагает этот дьявол в образе хаджи из Мекки?

– Я могу сказать только приблизительно, – ответил Тремаль-Наик. – Ему удалось поднять против меня четыре племени. Каждое могло дать ему не менее пятисот

бойцов. Возможно, все они вооружены ружьями: пилигрим привез с собой целый арсенал. У него были лилы и миримы.

– Ох! Еще один выстрел! Это уже разговаривают спингарды, – заговорил Янес, делая гневный размашистый жест.

Со стороны необозримого леса, простиравшегося от кампонга к югу, теперь все чаще и чаще долетали звуки пушечной пальбы, которые наконец перешли в один сплошной гул.

Янес, видимо, нервничал. Он метался по платформе, как разъяренный лев в клетке, яростно окидывая взором горизонт. Индуса тоже охватила волна сильнейшего возбуждения. Выстрелы тем временем следовали один за другим. Между малочисленным экипажем «Марианны» и подавляющими силами таинственного хаджи шла, очевидно, отчаянная и яростная борьба.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Борнео – прежнее название острова Калимантан.

2

Даяки – группа народов, коренное население острова Борнео.

3

Рани – царица или царевна в Индии и в некоторых странах Юго-Восточной Азии.
Ассам – провинция на северо-востоке Британской Индии, ныне один из штатов Индии.

4

Пери – в мусульманской мифологии дух, покровительствующий человеку, выступающий в облике прекрасной женщины.

5

Сахиб – господин.

6

Саравак – княжество под британским протекторатом в северо-западной части острова Борнео.

7

Кампонг – селение.

8

Речь идет о морской миле, равной 1852 м. Сухопутная миля равна 1609 м.

9

Кабельтов – морская мера длины, равная 185,2 м.

10

Сумпитан (сербатанг) – духовое ружье, стреляющее отравленными парализующим ядом стрелами.

11

Прао – большая парусная лодка.

12

Паранг – массивный нож-тесак.

13

Дуриан – произрастающее на островах Малайского архипелага дерево семейства бобовых, дающее необычайно вкусные, но обладающие крайне неприятным запахом плоды.

14

Крис – стальной малайский кинжал с изогнутым лезвием и богато украшенной рукоятью.

15

Магут (махаут), карнак – погонщик слонов. Сиам – прежнее название Таиланда.

16

Маратхи – один из народов, населяющих Индию.

17

В мае 1857 г. в Индии вспыхнуло народное восстание против британского господства. Основную массу повстанцев составляли сипаи – наемные войска, формировавшиеся из местного населения. Уже через две недели почти вся Северная Индия, в том числе и крепость Дели, была в руках восставших. Дели был взят английскими войсками в сентябре 1857 г. Англичане потопили

восстание в крови. Пленных расстреливали, привязывая к жерлам пушек. Несмотря на активные действия английских войск, восстание было окончательно подавлено лишь в 1859 г.

Купить: https://tellnovel.com/sal-gari_emilio/vladyka-morey

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити